

Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

ГОЛОС ТРУДА

ОРГАН СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ „ГОЛОС ТРУДА“

Адрес Редакции и Конторы:
Москва. Тверская ул. 70.
тел. № 2-67-86.

Петроградское Отделение:
пр. Володарского. 56.
тел. № 4-88-99.

Цена отдельного №
20 руб.

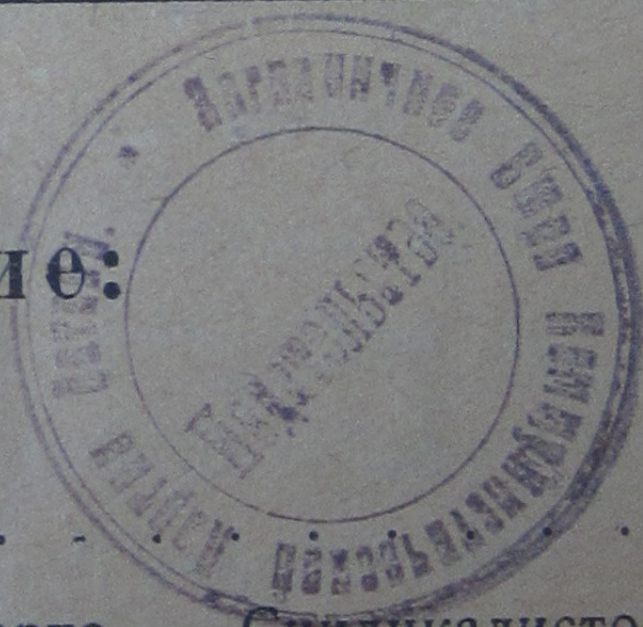
№ 1.

Декабрь 1919.

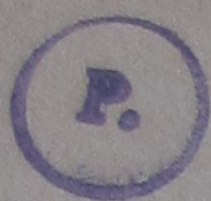
№ 1.

Содержание:

	Стр.
Наши Задачи. Редакция	1
Октябрьская Революция и тактика Анархо - Синдикалистов. И. Гроссман-Роцин	2
Год Конференций (к характеристике нашей тактики) А. Ш. . . .	12
Программные вопросы. Редакция	17
Необходимость программы. Гр. Максимов	19
Новые пути экономического строительства. А. Шапиро	28
О переходной стадии. И. Гроссман-Роцин	31
Бакунин о государстве, патриотизме и войне. И. Роцин	34
На темы дня	40
В мире книг и журналов	46

УЖ
Г-672
2402

Книгоиздательство
союза анархо-синдикалистов
„ГОЛОС ТРУДА“.

Петербург. Проспект Володарского, 56. Москва. Тверская, 70.

НАМЕЧЕНЫ К ИЗДАНИЮ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:

Серия биографических очерков:

М. Неттлау о М. Бакунине. Ж. Ивто о Ф. Пеллутье. П. Кропоткин, Ф. Брунбахер и др. о Дж. Гильоме. И. Гроссман-Рощин о П. Ж. Прудоне. Н. К. Лебедев о Элизе Реклю.

А. Беркман. — Воспоминания анархиста.

Дж. Гильом. — Интернационал.

Эмма Гольдман. — Анархизм.

Ж. Грав. — Реформа и Революция.

Его-же. — Свободная Земля (роман).

Жан Дежак. — Гуманисфер (утопия).

Хр. Корнелиссен. Вперед к новому обществу.

П. Кропоткин. — Поля, Фабрики и Мастерския.

Его-же. — Взаимная Помощь.

П.-Ж. Прудон. — Философия Нищеты.

Его-же. — О Правосудии.

Эли Реклю. — Коммуна изо дня в день.

Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

ГОЛОС ТРУДА

Орган Союза Анархо-Синдикалистов „Голос Труда“

Адрес Редакции и Конторы:
Москва. Тверская ул. 70.
тел. № 2-67-86

Петроградское Отделение:
пр. Володарского. 56.
тел. № 488-99.

Цена отдельного №
20 руб.

№ 1.

ноябрь 1919

№ 1.

Второй год издания

при Ц.К. В.К.П. (б.)

1201

26

Наши Задачи.

Приблизительно полтора года прошло с тех пор, как наш ежедневный „Голос Труда“ замолк. Свыше года, как анархо-синдикалисты, объединенные вокруг него, как будто замерли, не оставив никаких следов... Хуже того! За это время разложение в наших рядах шло усиленным темпом, — ничего почти не оставалось от движения, которое с такими трудностями было создано в первые дни революции. И когда, наконец, состоялась Первая Всероссийская Конференция Анархо-Синдикалистов, мы столкнулись со значительными разногласиями разделявшими анархо-синдикалистов на „крайне левых“ и на „крайне правых“. Вторая конференция, состоявшаяся месяца три спустя, никаких существенных изменений не внесла. Товарищи почувствовали, однако, что дольше так продолжаться не может: необходимо принять меры против дальнейшего процесса разложения. Первая попытка на пути к оздоровлению — издание союзом Анархо-Синдикалистов-Коммунистов г. Москвы газеты „Труд и Воля“ — прочного успеха не имела. Что-же касается большинства товарищей, то привлеченные на Украину предполагающимися лучшими перспективами для работы, они повидимому забыли там все то, чему их два года социальной революции в России должно было нгучить...

Во всем этом хаосе мыслей, расколов, и переоценке прежних воззрений, основное ядро группы „Голос Труда“, сильно ослабленное всеми уклонами и влево и вправо, осталось на своем посту, выжидая, в полной уверенности, что взгляд его на ход событий, высказанный ее представителями на состоявшихся конференциях и совещаниях — правильный, и что переживаемая анархо-синдикалистским движением „передышка“ окажется полезной, и необходимой для процесса кристаллизации анархо-синдикалистского течения.

Возобновляя теперь нашу деятельность — деятельность строго узкую и ограниченную — мы ставим себе главной целью ясно и отчетливо высказывать нашу точку зрения на текущие и грядущие события и выявить

нашу практическую программу в области воссоздания экономической жизни Советской России. Во главу угла мы ставим наше преданное и искреннее сотрудничество со всеми элементами, творящими, в рядах трудящихся, истинное дело социальной революции—то дело, которое было начато в октябрьские дни 1917-го года.

В процессе этого сотрудничества, мы не забудем, что здоровая и обоснованная критика есть самая сильная критика. Широкий-же слой трудящихся мы постараемся раз'яснить, что спасение России, спасение мира, лежит в дальнейшем углублении начатой революции; наш девиз: твердыми шагами—вперед, все вперед,—безостановочно и безоглядки *вперед*.

Мы постараемся, в нашем журнале, изложить основу нашей программы и выработать как план работы для анархо-синдикалистов России, так и общий план перестройки всей политической и экономической системы страны, после осуществления которого невозможно будет кому бы то ни было, какой бы то ни было партии, каких бы то ни было коалиций приостановить победоносную волну всемирной социальной революции.

Всех товарищей сочувствующих нашей работе, мы зовем к сплочению вокруг этих заданий и к дружной работе в этом направлении.

„Голос Труда“.

Октябрьская революция и тактика анархо-синдикалистов.

Социальная революция.

Долгожданное сбылось.

Социальная революция — не мечта золотая, не греза утомленных, обиженных жизнью людей!—Кипит бой за коммунизм, за экономическое и политическое равенство.

Угроза великого обмана рассеялась.

Говорили рабочим ученые люди: боритесь за Учредительное Собрание!

Свергнуть самодержавие во имя демократии,—таков наш рок, таков закон“...

Да, злой рок, велит нам же призвать буржуазных варягов, что бы они „правили и владели“ — это горько и обидно, да—ничего не поделаешь, закон истории повелевает расчистить дорогу развивающемуся капитализму!... Горе восстающим против воли рока — их постигнет жестокая и лютая кара!

Горе непознавшим и неподчинившимся велению исторической необходимости: мечты их маниловские будут рассеяны вихрем жизни!...

Что же случилось на деле?

Сама историческая необходимость, должно быть, заразилась легкомысленным утопизмом. Ей послушный и покорный, тов. Ленин, вчерашний защитник *отрезков* и *Учредилки*, делается вождем всемирного *максимализма*! Суровой, неумолимой исторической необходимостью пришла в го-

лову не лишенная едкой игривой иронии мысль — заставить ортодоксов воплощать замыслы анархии, максимализма и антидемократизма!...

Долгожданное сбылось!

Волей русского трудового народа разрушена величайшая и отвратительная ложь—социал-патриотизма и анархо-шовинизма...

Тоненькая паутинка интернационализма была сорвана буйным вихрем кровово-грязного шовинизма. Пошел войной брат на брата, злоба и ненависть омрачили умы и души. А социалисты? а анархисты?—Они „продали шпагу свою“ империализму; благословляли рабочих одной коалиции идти войной и сокрушать рабочих другой. Скрижали интернационализма были разбиты не в укор, а в угоду и для морального ободрения толпы, и без того плясавшей неистово вокруг золотого тельца империализма.

При виде этого бесстыдного ренегатства, которое не забудется *никогда*, не простится *никому*, недоумевающие группы рабочих спрашивали с болью и горечью: да неужели все погибло? Неужто, азефы-искариоты—это все, чем богата революционная среда?

Началась, при тяжких условиях, пропаганда интернационализма. Основная мысль, основная идея была ясна: ложь будто у рабочих нет выбора — или германский или французский империализм — есть „третья инстанция“, „третья сила“—максимализм народный.

—Жизнен-ли *этот* лозунг?

Русская революция ответила на это—она и есть воплощение „третьей силы“ „третьей инстанции“, она показала как надо, ценой невероятных мук и жертв, бороться за *подлинную* свободу.

Враги ответили нам блокадой, войнами, заговорами...

Условия борьбы—мучительно тяжелые...

И все-же кипит борьба, величаво развевается красное знамя.

Слезливые, мягкотелые, лакеи мещан не понимают величие битвы... Они все каркают, эти черные, глупые вороны, о неизбежности гибели!

Не понять им радости битвы, но почувствовать ликующей правды труда, гласящей: *морально битва уже выиграна по всему фронту!*...

Мимо плакальчиков и яко-бы «левых», а на самом деле, мелко-буржуазных гробокопателей!

Мы знаем: долгожданное сбылось! Минимализм потерпел крушение, а это есть условие для торжества Анархии!...

Разруха в анархическом лагере.

Казалось-бы, теперь только и должна развиваться в широком, массовом масштабе анархическая работа! объективные условия благоприятны —недаром же „клеят“ русскую революцию „анархической“!... Мы как будто проделали эволюцию: отказались от тактической экзотики, свет критицизма стал проникать повсюду и мы отвергаем догматизм в теории и практике; синдикализм наш приобрел гибкость, столь необходимую в деле строительства; интернационализм как будто объединил нас в единую семью...

—Что-же случилось на самом деле?

Разруха. Идейное и организационное бессилие. Изумительная неспособность подняться хоть сколько нибудь на высоту обсуждаемых вопросов. Мело-декламация словоохотливых посредственных фельетонистов о «творчестве масс»...

Выработался и новый, отталкивающий своим лицемерием тип саботажника-мещанина с анархическим ярлычком: они, видите ли, «не приемлют» компромисса с большевизмом стонут воркуют эти голуби о чистоте принципов, шипят и брызжут ядом я-ко-бы на большевиков, а в действительности, на революцию. Они, типичные саботажники, уверяют, что у них в душе трагедия — разлад между чисто-ангельской любовью к «чистым» принципам и — «окружающей средой»... Да, поражает это полное непонимание задач момента, интернационализм — на устах, и характерное для мелкой буржуазии, неумение ставить *реально* проблемы в мировом масштабе; на деле отсюда — зачатки дегенерации, мы начинаем возвращаться к старым божкам, мы не *хотим* — это неслыханное явление — связать анархо-шовинизм с его теоретическим первоисточником...

Это отсутствие понимания причин царящей разрухи, распыленности выдвигает, с одной стороны, наивные планы о «едином анархизме» с другой группу бессовестных, наглых и невежественных демагогов, изготовляющих дешево, оптом и в розницу, пан-анархизм в специальном, шутовском заведении, не то паноптикум не то техникум...

И все-же в этом, как видите, далеко не стройном хоре можем различить три мотива, как-бы три *голоса*: 1) сторонники вхождения в партию большевиков, 2) позиция „Голоса Труда“, 3) „Набатовское“ течение, видящее в большевизме — болезненный нарыв на теле массовой революции, обвиняющее большевиков в том, что государственность и партийная диктатура завели революцию в тупик. Замечание: не следует думать, что я включаю сжегших корабли и «отбывших» в лагерь большевиков — каким анархическим, да еще самостоятельным, течением. Нет. Нам просто — в дальнейшем — будет нужен анализ их аргументации, как полезный материал для понимания нашей тактики. Еще: не следует смешивать анти-большевизма «набатовцев» с анти-большевистской тактикой хотя-бы левых эс-еров. Если-же, исходя из «набатовских» положений, кое кто и делает камковско-спиридоновские выводы на анархический лад, то этот оттенок находится *вне* организации «Набат».

Размеры статьи не дают возможности остановиться на анализе позиции «бывших» анархистов и «набатовцев». Нам хотелось-бы в общих чертах обрисовать позиции тех, кого так не точно и неуклюже зовут «советскими» анархистами, позиции „Голоса Труда“ в *целом*... Пишу и подчеркиваю — «в целом», так как приходится сознаться, что и в организации „Голос Труда“ нет единства по целому ряду вопросов первостепенной важности. Тогда, когда пишу эти строки убежден — согласно духу *всей* своей деятельности, начиная с периода „чернознаменства“ — что шовинизм — органически вытекает из *основных* предпосылок теории Кропоткина; что эта теория, по существу наивно-догматическая, раздана дуализмом не только в области теории но и практики: в ней борются классовое бунтарство с буржуазным демократическим федерализмом; другие товарищи отрицают связь теории П. А. Кропоткина с занятой им позицией во время войны. Отсюда целый ряд выводов практического характера: тогда как мне кажется *неизбежной* борьба с кропоткинским, по моему, глубоко ошибочным, обоснованием анархизма; а главное, выяснение *связи* милитаризма Кропоткина, с элементами его концепции, товарищи, иначе думающие, видят задачу в выяснении того, насколько *уклонился* Кропоткин от своей-же теории и в возвращении к этой теории. Раз-

ногласия существенны. Но сейчас я буду выяснять основы позиции «Голоса Труда» в целом, как она отразилась в нашей резолюции, которую мы единодушно защищали на конференции.

Постановка вопроса.

Раньше всего необходима нам ясность постановки вопроса. Чем дорога нам именно *октябрьская* революция? Воплощен-ли в ней анархический замысл. Второе: больные, темные стороны революции, рост принудительных норм есть ли «злая воля», неизбежный результат большевизма, или этот уклон порожден волей всемирного империализма? Для *серьезного* ответа на первый вопрос необходим тщательный анализ *демократии*. Для ответа на второй—необходим анализ противоречий революции, процесса борьбы с всемирным империализмом. К выполнению этой задачи мы и переходим.

Демократия, Советы и классовая борьба.

Друзья и противники часто не отдают себе отчета в том, насколько важно для нас преодоление демократии с точки зрения освобождения классовой индивидуальности пролетариата от гипноза „национального“ кумира.

Противники—в лице Стеклова и Горева—уверены в том, что вся борьба Бакунина против марксовского парламентаризма сводится яко-бы к борьбе с избирательным правом. Наивное, роковое заблуждение!

Речь идет о различном понимании истории, о борьбе за направление *сознания* и *воли* всемирного труда.

Мы говорим. Марксизм провозгласил идею классовой борьбы, для того что-бы хитрыми и сложными теоретическими приемами, уничтожить „язву“ классовой борьбы. Сделал это марксизм дважды—*теоретически* и *тактически*.

А) Теоретически. Провозглашая, что общество разделено на враждебные классы, марксизм дает этим враждебным классам единую „заповедь“ единую „религию“—заботу о развитии производительности, указание пролетариату, что до поры до времени капиталисты выполняют *прогрессивную роль*; в этом направлении надо помогать буржуазии... Растущие в *противоположные* стороны ветки социального дерева прикованы к *общему стволу*... „Богом Единым и Живым“ звался этот „ствол“ некогда. „Разумом“ величали его утописты... *Ростом производительных сил* зовется он у марксистов...

В) Практически: призывом к борьбе за демократию, как за общенациональную ценность. Это и есть борьба за буржуазный правопорядок. Мы, анархисты говорили: дело не только в ненужности, оппортунизме парламентаризма, а в извращении *классовой воли*, в обязательном *фактическом* подчинении логики класса логике *нации*...

Мы говорили: вы обречены на то, чтобы *говорить* о классовой борьбе, но *делать* общенациональное дело. Или *классовая* борьба—тогда вы на деле будете разлагать национальное целое на его составные элементы и вы будете оценивать всю культуру, воспитывать *волю* в духе *противоположности* классовых интересов. Или вы соедините класс и демократию, на *словах* подчините вы демократию интересам класса, но на деле национальное *целое* вас поглотит и вы будете действовать так,

как будто имеете дело с строем, в котором царят не классовые *противоположности*, а классовые *различия* *)...

Жизнь блестяще—еще до войны, показала и доказала, что оппортунизм, бернштейнианский и каутскианский одинаково продукты марксизма... Боже, как ругали нас большевики, когда мы, скептики, говорили что Каутский и Бернштейн — одного поля ягоды? а теперь Ленин пишет о „Ренегате“ Каутском. Он увидел *теперь* то, что мы видели *давно*. *Теперь* мы видим уже, что позиция соглашателей в период войны есть плод марксизма. И опять Ленин ух как сердится на нас за то, что мы видим уже теперь то, что он увидит *потом*...

Нам говорили: вы видите противоречие между классом и демократией потому, что не ведома вам наука именуемая „диалектикой“...

Война обнажила эту кровавую „диалектику“, показала, что здесь именно живая, волевая противоположность, а не книжная надуманная.

Война бездну *обнажила*; соглашатели бездной были *поглощены*. Русская революция чрез бездну *перескочила*.

Товарищ анархист Анатолий Железняков, воплощая волю труда, Учредилку разогнал. *Советы* вместо Учредилки означает—*качество* труда вместо *количества* (большинство) *наций*. *Советы* — это — теоретически, философски—возвращение к качественному воззрению на мир, на рабочих, как на качественно иную трудовую *индивидуальность*. Практически: это новая эра, шаг к анархии во всемирном масштабе. Отныне пролетарская энергия не будет распылена, рассеяна, она имеет *анархический очаг—Советы*...

И это *хорошо*, что *жизнь* заставила большевиков усвоить фактически наш лозунг, хотя они и не в состоянии рельефно и ярко „финансировать“ морально дело октябрьской революции.

Именно анархисты должны, всеми силами, всеми помыслами защищать *Советы*, быть вместе с большевиками, героическими защитниками этой идеи во всемирном масштабе... Не хныкать, не охать, как истерическая баба в очереди, не произносить словесного осуждения большевиков и революции только потому, что живая жизнь не церемонится со сладенькой „концепцией“, проходит мимо „формулы прогресса“ доброго малого, в котором имеются такие хорошие вещи „как индивидуальность“ и прочее. Мы должны признать величайшие заслуги большевизма в деле защиты максимализма! Поймите что при неимоверно тяжких, несказанно мучительных условиях, творится дело *наше* и во всемирном масштабе.

— Ну, а как обстоит дело с вопросом о Государстве? —

Сейчас мы к этому вопросу переходим.

Демократия, Советы и Государственность.

Направлено-ли жало октябрьской революции—замена Советами Учредилки — и против идеи Государственности? Дополнительный анализ — по неволе краткий—ответит нам на этот вопрос.

*) Лично я, повторяю, убежден, что а) тот-же дуализм свойствен кропоткинизму; что б) *догматический* синдикалист входит в беспартийный синдикат не для того, что-бы дать *классовую* битву жоресистам, демократам, тоже вошедшим в беспартийную организацию, а для того, чтобы склонить голову перед демократией и создать кадры рабочих синдикалистов-демократов, кадры столь нужные Жофру для борьбы за „прогресс“...

В древности отношение рабовладельца к рабу отличалось удивительной законченностью, „стиль“ был превосходно выдержан.

Раб был вещь, *инструмент*. Раб—res (вещь)—в экономике и политике... Правда, несколько своеобразный инструмент, он обладал способностью речи: *говорящий* инструмент. Но это мало смущало классиков рабовладельцев. Мы знаем инструкции даже просвещенных рабовладельцев: когда корабль от перегрузки идет ко дну, нужно, с целью освобождения от лишнего балласта, сбросить в море—раба, конечно, а не ценную лошадь...

Поток времени уничтожил безмятежность рабовладельчества, исчезли классические формы и заменились нео-патриархализмом.

Время поставило на очередь новую задачу: надо было не выталкивать раба за пределы общества, а *включить*, надо, чтобы раб не смотрел на культуру, как враждебный ей, чуждый государству варвар: надо внедрить в душу *чувство* любви к целому, идею *единства* нации, чувства повиновения хотя-бы путем создания рабу иллюзии, что он и *повелитель*... Как внушить рабу это единство? Через идеи Бога, Разума, Развития производительных сил—все это различные приемы, преследующие одну и ту же цель... Как создать и укрепить чувство повиновения? Мы уже говорили: создать рабу иллюзии, что он и *повелитель*... Эту роль может выполнить не самодержавие, а *демократия*... Рабу даются политические права. Он res (вещь) в области экономической *), он личность, „суб'ект“—в области политики.

Раб был инструментом *говорящим*. Он делается инструментом *голосующим*... Буржуазия, верная своему основному принципу, знает, что нужно „разделять и властвовать“, она разделяет пролетариат по категориям профессиональным, национальным, вносит раздвоение в душу пролетариата, — он то сын *нации*, то класса, он не только поработенный, но и *поработитель*: разве он не участвует в создании законов для *единого целого*? Какой строй может внести *этот* яд разложения в душу рабочих? Конечно, демократия, конечно, самая крайняя, самая *прогрессивная*... Но что такое демократия с этой точки зрения...

Демократия привлекает к власти каждого *гражданина*, каждый *является носителем власти*, а это означает, что элементы принудительной власти призываются рабу, „голосующему инструменту“.

Демократия может сказать: „Царство Божие внутри вас“ Выработка государственной души, расселение бациллы Государственности по всем душам, небывалый, могучий расцвет системы принудительных норм, тайно направленных против идеи *свободного договора*—такова сущность демократии... Октябрьская революция убивает демократию, выдвигает Труд, во всех областях жизни и творчества... Убить демократию, это значит, одновременно вырвать с корнем самый глубокий дуализм из пролетарской души...

Нам можно как будто подвести итоги: и для анархического понимания классовой индивидуальности, и для миропонимания анархизма, характеризующегося рассматриванием мира, как связи качественной и для борьбы с дуализмом, вносимым в душу системой „политической“ свободы—все это что достигается в борьбе за торжество Советов против демокра-

*) Позже намечается тенденция и к промышленному конституционализму, скала заработной платы, участие в прибыли и т. д.

тии; для нас ясно, что защищая октябрьскую революцию вместе с большевиками мы защищаем во всех областях анархизм. Кто антигосударственник? Тот, кто всецело и всемерно, вместе с большевиками, бьет ставленников Ллойд-Джоржа и др., ибо в этой борьбе погибает высшая форма государственности—Демократия!

Всякий иной путь—есть путь укрепления *Государственности* в его тончайшей форме, демократической...

— Все это так,—слышим мы возражение—но мы что-то не слышали, что бы большевики заменили принуждение системой свободных договоров. В Чрезвычайке нам об этом ничего не сообщили, а в жизни-то этого не видеть. Даже „совсем напротив“...

Тут мы подходим к вопросу о противоречии русской революции.

Противоречия русской революции.

В самом деле, противники „советского анархизма“ правы... Ведь на наших глазах процветает чисто Римская Государственность!.. Принудительные нормы достигли небывалого расцвета! Не скованы ли все силы Государственным „приказываю“. Свобода, самодеятельность, хотя-бы для оппозиционно настроенных анархистов?! Кто ее видел на Советской Земле? Ведь если допустить, что наше понимание анархического момента революции верно, то выходит, что *победа* в одном пункте сопровождалась неслыханно тяжким *поражением* в другом: классовая воля победила демократическую, но ведь эта победа куплена ценой неслыханного, чудовищного роста принудительной Государственности!..

Здесь—*противоречие* русской революции. Не единственное. И только тот способен подняться на высоту обсуждаемой проблемы, который освободится от „анимизма“, от приписывания всех „бед“ истории лицам или партии. Понять источник этого противоречия — значит наметить *путь* нашей тактики, *средства* преодоления болезни. Гораздо легче, конечно, иной путь: охать и проклинять; а иной прочтет пару тысяч рефератов на тему о том, как-бы хорошо было, ежели-бы „сама“ масса, „снизу“ путем „творчества“, поговорит и... весел Тришка мой!

Эх, много бед принес нам куций Тришка!..

Надо, раньше всего, правильно поставить вопрос. Во главе движения стали большевики,—*минималисты, Государственники*—они все-же отказались от Учредилки. Минимализма. Это их заслуга. Колоссальная. Неоценимая. Но сделали они это в контакте и под давлением творческой воли—инстинкта масс.

Почему-же эти творческие силы, точно заколдованные, остановились у священных врат Государственности? Почему царство серой, казарменной необходимости не заменено логикой свободного созидания? Почему большевики, уступили истории в одном — создание Советов, максимализм — укрепились в другой цитадели реакции—Государстве? Есть-ли это—злая воля и государственно диктаторская суть большевиков? Мы на этот вопрос отвечаем: чтобы свергнуть *иго* демократии и заменить ее Советами—достаточно творческого порыва масс. А что бы создать не абстрактную систему свободных соглашений, а реальную силу—необходимо созидание *производительного организма*..

Необходимости Государственной надо противопоставить необходи-

мость, вытекающую из логики автономного производства, ибо *эта* необходимость и предполагает трудовую свободу.

А всемирный империализм путем блокады, нашествий не дает нам сделаться *производственным организмом*. Он заставил нас заменить *логику производства*—мать свободы—логикой военщины—мать Государственной необходимости.

Отсюда: *победите мировой империализм и вы победите механическую Государственность*.

Логика производства и логика военщины.

Судьбы *русского* капитализма решались в *Западной* Европе *буржуазией*.

Судьбы русской революции решаются там-же, в Западной Европе, но только рабочими.

Но вот различие более глубокое: русский пролетариат сознательно творит свою историю, он знает не только условия победы, но и все возможности поражения. Класс творец, дерзко бросивший вызов всем кумирам мира сего, он знает, что взобравшемуся на вершину грозит опасность падения в бездну...

По истине, даже гибель „тела“ Советской России дает больше делу всемирной и русской свободы, чем годы Учредилковского „делания“...

Советская Россия *знает*, что ей грозит гибель в том случае, если не восстанут рабы современной Учредилки, если тот, кого считали орлом, окажется разжиревшей курицей... Задавить нас могут и дубьем и *рублем*: военщиной Клемансо и „экономикой“ Вильсона...

Но путь наш ясен и тверд. По истине, мы знаем весь трагизм нашего положения, но мы можем повторить слова поэта:

Люблю я отчаяние мое безмерное,
Нам радость в последней капле дана.
И только одно здесь я знаю верное:
Надо всякую чашу пить до дна!..

Да, есть отчаяние безмерное в тупости рабочих—шейдемановцев, в тупости соглашателей... Но это не надолго!.. Во всяком случае—чашу надо пить *до дна*—это не декадентская гордыня, это *реальная политика*. Но политика левых эс-эров, ребячески смешивающих *прямолинейность* агитаторов с последовательностью *строителей* революционеров; это не политика честного маклера от учредилки, который ума не приложит, отчего-бы не выйти из „тупика“ путем компромисса? Это—бесстрашие, обязывающее к учету, возможно точному, окружающей среды.

Наш враг беспощаден. Чего хочет он? Повторяю; не дать нам наладить здоровую жизнь, отравить нас ядом паразитической военщины... Он знает: не будет предела нашей мощи, если мы наладим производство, если получивший *землю* крестьянин получит от рабочего плуг, ткани. От края до края раздастся благовест о том, как народ вольный сделался кузнецом своего счастья и своей судьбы!.. Ведь даже теперь нищая, невежественная, травимая, гонимая Россия сделалась Святым Градом всемирного труда!...

Враг это знает. Вот почему нас блокируют...

Устраивают заговоры... Лишают сырья... Истребляют наши силы... Задача наша ясна: „надо всякую чашу пить до дна“—надо сорвать блокаду, прорвать всемирный фронт, а для этого путь есть один и только один: *организация армии и победы!*... Нужно—под страхом гибели—превратить „безумие“ военщины в „разум“ производства... Как? Через Красную Армию путем победы...

Надо победить! Но надо знать и горечь и трении пути, надо понять, что при логике военщины невозможна *база нашей антигосударственности*—автономное производство в широком масштабе, невозможна ни для анархистов, ни для большевиков!... Нет сырья... нет машин... нет транспорта... Лучшие идеологические силы на фронте... а главное: психология военщины самой свободной (и повстанческой, товарищи, идеализирующей то, чего не знают!) авторитарная, *не творческая*...

„Где ваше производство“ спрашивает нагло буржуа, *визажист* походов и друг Колчака!

— Что *они* сделали? спрашивает истерически демагог, осмеливающийся называть себя анархистом! Это—позор! Ведь анархо-синдикалисты—не просто проповедники „слова божия“ а зодчие, строители, обязанные знать реальную среду! Разве не ясно, что вместо обвинений большевиков следует формулировать положение *иначе: не большевики завели революцию в тупик, а всемирный империализм загнал революцию в тупик, в котором большевики все-же геройски, титанически ведут борьбу!*

Иль вы думаете, что вы, уважаемые пан-говорунны *из победителей*, при данной комбинации условий сделали-бы больше?

Иль вы, по старому, будете апеллировать к чудодейственной разрыв-траве, „массовое творчество“, слово, полное содержания, которое вы, однако, превратили в звук пустой, стертую монету, керенку фальшивую, да еще аляповато сделанную!

Вот мы и подошли к ответу на вопрос:

Почему октябрьская революция осилила Учредилку, но не уничтожила, даже еще усилила, систему принудительных норм... Всемирный империализм навязал нам логику военщины... Вместо того, чтобы защищать революцию силой органической—производство—мы вынуждены прибегать к силе механической—военщине. А военщина мать авторитарности...

Вывод: не хныкать, не ругать большевиков, а выйти из тупика военщины путем побед. Кто бьет Деникина, тот подготавливает путь к борьбе и торжеству для антигосударственности. Кто подменяет эту борьбу с Ллойд-Джоржем борьбой с Троцким—тот малосознательный обыватель, невольно укрепителю Государственности, мело-декламатор, который *мешает* борьбе за анархию.

Что делать?

Что делать анархо-синдикалистам?

1) Пропагандировать устно и печатно учение анархо-коммунизма и синдикализма.

2) Объяснять массам всемирный смысл октябрьской революции, ее глубоко *анархическую* сущность.

3) Об'яснять массам великие заслуги большевизма: загнанные империалистами в тупик военщины, они все-же героически дают битву врагам труда.

Неряшливому, бесплодному, обывательскому критиканству противопоставить об'ективный анализ условий, благодаря которым логика военщины и спутник—механическая государственность заменили логику труда и свободы.

4) Всячески поддержать героическую борьбу на фронте, ибо победа единственный путь преодоления государственно-механических норм.

5) Об'яснять массам, почему именно анархисты, не изменяя себе, не могут слиться с большевиками: 1) большевики не *принципиально*, а лишь тактически анти-демократы, хотя стихийно они отражают волю масс к полной свободе, 2) большевики не антигосударственники, хоть замечаются тенденции к ней, и могут задержать переход от принудительных норм к свободному труду даже *тогда*, когда навязанный империалистами военный тупик исчезнет.

6) Разоблачать перед массами половинчатость, колебания большевиков, заигрывания с меньшевиками и учредилловцами, связывая эти колебания с неспособностью большевиков морально поддержать революцию до конца.

7) Участвовать во всех экономических организациях, накапливая опыт экономического строительства; учесть все положительные и отрицательные стороны экономического творчества большевиков. Накопить конкретный опыт, который доказал-бы массам, что труд *свободный* не только морально *выше*, но хозяйственно целесообразней.

8) Связать всех анархо-синдикалистских работников и создать органы для учета и разработки опыта экономического строительства в духе анархо-синдикализма.

9) Создать лигу анархической пропаганды нашего „советского“ анархизма и бороться на два фронта—с бегством в лагерь „большевиков“ и нетворческим, мелко-буржуазным критиканством, затемняющим сознание масс, бессильным не только созидать, но даже открыть трагедию нашего бессилия и наметить хоть путь к работе, борьбе и победе.

Заключение.

Мы ни на секунду не прекращаем борьбы с Государственностью. Не теряем цели своей. Нам говорят: да не создаете ли вы „промежуточной“ стадии. Не идете ли вы на компромисс с Государством большевиков, как в свое время Кропоткин пошел на компромисс с империализмом?

Все это—скажем просто, вздор, схоластика, непонимание *существа* вопроса, ребяческое злоупотребление аналогиями. Опровержению этих „разговорчиков“ будет посвящена следующая статья, в связи с анализом позиции наших противников.

И. Гроссман-Рощин.

Год Конференций.

(К характеристике нашей тактики).

Нет сомнения, что Октябрьский переворот и последующее развитие революции и „рабоче - крестьянской власти“ вызвали, не только среди анархистов вообще, но и среди анархо-синдикалистов, разнообразные толкования переживаемых событий и повлекли за собой резкие разногласия.

Одни считали, что исходя из чистого, догматического непризнания всякой власти—пусть она даже именуется „рабоче-крестьянской“—мы должны бороться против Российской Советской Республики, точно также как мы-бы боролись против Французской Демократической Республики. Другие—а среди них и Союз анархо-синдикалистов „Голос Труда“,—считаясь с фактом переживаемой нами *несомненно социальной* революции, с условиями империалистской войны—вне и явной контр-революции—внутри страны и наконец с бессомненным фактором максималистских лозунгов, выдвинутых большевиками в процессе этой борьбы по всем фронтам—сочли нужным предоставить свои силы как на защиту завоеванных свобод так и на строительство новой жизни. Третье, наконец, считая невозможным как сопротивление и агитацию против Советской России, так и содействие ей в ее борьбе, предпочли временно сложить свой багаж и выжидать...

Самым слабым течением из этих трех было течение, представленное Союзом „Голос Труда“. Казалось явным противоречием для анархо-синдикалиста, не признающего ни власть, ни централизм ни чрезвычайек, ни наконец марксистской идеологии, признать Советскую власть, защищать ее, помогать ей... Это противоречие оказалось настолько невыносимым для некоторых из наших товарищей, что не стараясь объективно и исторически проникнуться значением всего хода нашей революции—они вышли из этого якобы нелогического тупика, входя в партию коммунистов-большевиков.

Однако-же, мы считаем, что мы ни на поту не отступили от анархического миропонимания, а тем менее от анархо-синдикалистской тактики тем, что мы нашли в нынешнем политическом обществении и в небывалом росте организованного рабочего движения, — во-

преки чудовищных искажений и того и другого — целый ряд *положительных* принципов и признаков, дающих нам возможность держать неуклонно, в самом процессе творчества, курс на международную социальную революцию.

Эта точка зрения не нашла отклика ни на Первой, ни на Второй Всероссийской Конференции Анархо-Синдикалистов. На этой последней, состоявшейся в ноябре прошлого года, резолюция, старавшаяся вкратце охватить указанную точку зрения, получила поддержку одних лишь представителей Союза „Голос Труда“. Мы здесь воспроизводим обе ее части, дабы читатели могли судить о правильности высказанных в ней соображений:

I. О текущем моменте.

Принимая во внимание,

что нынешняя революция в России не только несет в себе зачатки социального характера, но есть революция социальная;

что, по своему социальному содержанию, она реализовала элементы массового анархического творчества разрушением всемирного кумира, — всеобщее избирательное право, — и реализацией максимализма;

что этот анархический элемент революции и создает ей непримиримых врагов в лице международной и „национальной“ буржуазии;

что это анархическое содержание было реализовано чужими и во многом враждебными анархизму силами, в виду того, что анархо-синдикалисты оказались бессильными в деле экономического созидания новой жизни;

что только творческая работа в области возрождения труда реально, а не словами, убьет механическую принудительную государственность;

Вторая Всероссийская Конференция Анархо-синдикалистов считает, что анархо-синдикалисты должны принять все меры к тому, чтобы, в процессе творчества самой жизни на новых началах, они-бы не оказались вне жизни.

Для этого, как ближайшие и самые насущные задачи дня:—

I. Анархо-синдикалисты должны всемерно защищать до-ныне завоеванные свободы и принципы;

II. всемерно и всеми силами углубить социальную революцию, участвуя во всех проявлениях созидания и творчества новой жизни, а не ограничиваясь отвлеченной критикой;

III. объединить на этой почве всех анархо-синдикалистов России;

IV. агитировать и всемерно способствовать к организации единого народного творческого революционного фронта в области защиты от врагов, как и в области воссоздания народного хозяйства;

V. войти в связь, по мере возможности, с рабочими и анархическими организациями других стран, и совместно обсудить вопрос

о практическом восстановлении Первого Рабочего Интернационала, как единого, всемирного, трудового революционного творческого фронта.

II. О красной армии.

Принимая во внимание, что всемирный империализм готовит поход на предвестницу всемирного восстания — русскую революцию;

Что русская буржуазия, при помощи европейских бандитов, вот уж год, как терзает измученное тело России, героически защищаемой рабочими и крестьянами.

Что организация вооруженной силы — основная задача Советской России, ибо героическая защита революции воодушевит западно-европейский пролетариат и послужит важным фактором разложения реакционных армий Запада;

Что с другой стороны, принудительная мобилизация идет в разрез с принципом свободы и автономии труда;

что принуждение создает вредную иллюзию количественной силы, понижает качество армии, затемняет свободный порыв к защите революции и подготавливает готовую организованную, вооруженную контрреволюционную силу в лице насильно-мобилизованных, возглавленных чисто-реакционным командным составом;

что единственной формой борьбы с государственно-механическим принципом является разъяснение массе глубокого, всемирного смысла октябрьской революции, создание добровольного мотива глубоко-осознанного стремления к вооруженной защите социальной революции;

Вторая Всероссийская Конференция Анархо-синдикалистов убеждена,

что передовые товарищи, отважной воодушевленной борьбой на фронте покажут и докажут, что и в деле борьбы с внешним врагом свободный мотив целесообразнее властного приказа; таким образом государственно-механический момент будет изжит изнутри, в борьбе с реакцией, тогда как бунты невольно послужат укреплению реакции.

Конференция считает также,

что главным фактором победы над врагом является агитация и пропаганда освободительных идей среди наступающих войск, — обманутых рабочих Запада.

Борьба рабочих и крестьян против налета всемирных угнетателей тем временем обострялась и делалась все свирепее. Эта борьба, которая поневоле не давала никакой возможности поставить па ноги погибающее народное хозяйство, понемногу отрезвляла и многих наших товарищей из крайне — левого крыла, и когда в начале июля с. г. было созвано совещание из представителей анархо-синдикалистских организаций и из отдельных работников анархо-синдикалистов, точка зрения «Голоса Труда» оказалась приемлемой для большин-

ства приоткрывающих и принятая резолюция является в некоторых из ее главных частей, перефразировкой старой резолюции заморозившей Второй Конференцией.

Резолюция гласит;

а) По текущему моменту.

I. Старый капиталистический строй рушится.

Империалистическая война, — свирепствовавшая в течение 5 лет во всем мире и уничтожившая миллионы трудящихся, вскрыла действительную природу буржуазных государств и обнаружила банкротство правящей буржуазии.

Противопоставляя нации — нацию, государство — государству, — империалистская война переходит в войну революционную, противопоставляющую класс — классу и устанавливающую тем самым интернациональную солидарность и единство трудящихся.

II. Октябрьский переворот — предтеча мировой социальной революции, — уничтожив остатки отжившей буржуазной демократии, выдвинул новый тип организации — Советы, — как новое основание для коренного переустройства экономической, политической, культурной и всей общественной жизни.

III. В целях необходимой организованной борьбы с надвигающейся со всех сторон контр-революцией, как внутренней, так и внешней, — необходимо существование организованной, целостной, вооруженной силы.

Отрицая в принципе всякую армию, всегда строящуюся на палочной дисциплине и удушении личности, — необходимо однако считаться с Красной Армией, как с организованной вооруженной силой, созданной для защиты революции.

Разложение Красной Армии, — вытекающее из самой природы и сущности принудительной армии в эпоху длительной классовой войны, — выражающееся главным образом в массовом дезертирстве, предательстве и измене революции — вызывает необходимость в создании новых форм организации вооруженных сил — вольных полков революции, — основываясь на добровольных побуждениях глубоко-осознанных стремлений к организованной целостной вооруженной защите социальной революции, — связанных общими действиями всех организованных вооруженных сил.

IV. Развал промышленности и торговли, неизбежно ведущий всю страну к голоду и неслыханным страданиям, — вызванный главным образом империалистской войной, — в значительной степени углублен и расширен в корне неправильной социально-экономической политикой правящей партии коммунистов-большевиков.

Категорически отрицая главные основы этой политики — национализацию промышленности и монополизацию торговли, — совещание считает, что организация производства и налаживание хозяйственно-экономической жизни страны должно быть предоставлено независимым

от государства городским и сельским производственным объединениям и Всероссийскому Союзу Труда.

Не государственные органы, — а союз свободных городских и сельских кооперативов — должен взять дело снабжения населения всем необходимым для жизни.

V. Исходя из этого, неустанно борясь за полное проведение в жизнь наших идеалов, мы отдадим все свои силы на защиту завоеваний революции.

б) по вопросу: о взаимоотношениях с большевиками:

I. Обсудив вопрос о взаимоотношениях с большевиками, совещание считает, что, как по отношению к ним, так и по отношению к левым социалистическим партиям вообще, анархисты могут вступать в контакт в зависимости *от момента*.

По нашему мнению, эта резолюция грешит слабостью и неясностью своей *синдикалистской* части. Объясняется это тем, что товарищи приехавшие из провинции недостаточно широко охватили значение и принципы анархо-синдикализма, как организованной творческой силы, могущей быть использованной рабочим классом для оздоровления экономической жизни.

Мы надеемся, что к следующему съезду анархо-синдикалистов, сплочение вокруг лозунгов, провозглашенных „Голосом Труда“, не только по отношению к текущему моменту, но также и по отношению к будущему строительству, станет еще более тесным и даст возможность усиленной и дружеской работы в указанные направления.

А. Ш.

Программные Вопросы.

„Голос Труда“ поставил своей ближайшей целью подробную разработку практической и жизненной программы могущей не только в развитии принципов и тактики анархо-синдикализма, но и на основании опыта переживаемой нами революционной эпохи—лечь в основу реорганизации всего политико-экономического строя.

Советская власть пытается довольно часто — а чем дальше, тем чаще—водворить, под тем или иным соусом приемы строительства, напоминающие нам времена, казалось-бы, отживших сильно-централизованных государств. Бывает, однако, иногда, что безвыходное положение страны, небывалая разруха народного хозяйства и низкий уровень народного развития как будто заставляют нас — *volens nolens* — прибегнуть к мерам довольно отдаленным от нашего понимания свободы, и часто диаметрально ей противоречащим. Так, например, в области поднятия производительности труда, повсюду начинают вводиться чисто-капиталистические приемы, как-то сдельные работы, премиальные системы и разного рода трестирования и тейлоризации—и все это ради того, чтобы как нибудь *заставить* рабочих производить хоть кое что. Чем объясняется это явление? Могут-ли анархо-синдикалисты предложить, *сегодня-же*, при существующем хаосе и разрухи, *практическую* меру или практический план, благодаря которому, представляя полную свободу действий рабочим, возможно будет надеяться на положительные результаты? Какие формы рабочего движения могут лучше всего восстановить русскую экономическую жизнь? В какой связи находится экономическое возрождение страны с политическими событиями? Какие формы политического общежития наиболее приемлемы для анархо-синдикалистов, какие из них осуществимы сейчас же, и к каким формам мы должны стремиться в будущем? Как понимают анархо-синдикалисты аграрную задачу Советской России; можно-ли, а если *возможно*, то *как*, разрешить ее в ближайшее время? Какие взаимоотношения должны быть установлены между деревней и городом?

Ответы на все эти вопросы—и на целый ряд других, которые у каждого из нас возникнут и возникают ежедневно—и дадут нам нашу *практическую программу*.

Но, чтобы лучше можно было разработать основные тезисы этой программы, чтобы опыты были жизнены, конкретны, нам необходимо

знать мнение низов, ибо ответить на вопросы строительства может сама масса.

И вот, пусть товарищи с мест нам посылают свои соображения; пусть они нам скажут как, по их мнению, следует строить новую жизнь; их опыт фабрики и завода, мастерской и поля куда важнее для нас всяких теоретических и философских рассуждений. В процессе-же совместного обсуждения всех возникающих вопросов, без сомнения выяснится твердая позиция анархо-синдикализма, прошедшая через горнила жизни.

Мы обращаемся ко всем искренним и преданным работникам, ко всем тем, кто трудится в мастерской, в шахтах, у станка, у плуга—пишите о том, чему вас научил тот труд, который вам ближе знаком, и вместе мы сможем тогда, ярко и рельефно, выяснить себе текущие задачи и возможные исходы нашей Революции.

Редакция.

Необходимость программы.

Анархизм прежде всего и раньше всего — учение об универсальном мировом хозяйстве и универсальной мировой форме человеческого общежития, построенных на принципе максимальной свободы.

Это нужно твердо помнить и не забывать, ибо отсюда происходят большие последствия для практической работы в плоскости анархических достижений.

До сих пор наша анархическая литература, оригинальная и переводная, пестрит самыми разнообразными определениями анархизма, начиная с мечтательно-маниловских (анархизм — красота, солнце, счастье, радость жизни и прочий пустой бессодержательный вздор), и кончая барабанно-репетиловскими: анархизм — вечное разрушение, всеуничтожение и пр. бред, в таком же стиле.

Все эти определения явились в результате или непонимания сущности анархизма, или в результате восприятия какой либо части анархизма и возведения этой части на степень целого. Отсюда все определения анархизма есть, собственно говоря, определения частных, его отдельных основных элементов.

Одни, интересуясь по преимуществу проблемой „абсолютной свободы индивидуума“, находя в анархизме удовлетворительное разрешение этой проблемы, совершенно отделяют личность от общества, абстрагируют т. е. доводят до логического абсурда понятие личной свободы и определяют анархизм с высоты абстрактного Я; другие, интересуясь узким кругом моральных отношений в свою очередь определяют анархизм только с этой точки зрения т. е. придают ему исключительно философско-этическое значение; третьи, интересуясь общественной (политической) жизнью, определяют его только с этой точки зрения и т. д. и т. д...

А так как анархизм подвергает сомнению решительно все, производит переоценку абсолютно всех старых ценностей веками накопленных человеческой глупостью, косностью, привычкой к рабству и мещанскому спокойному благополучию, то определений анархизма встречается столько, сколько жизнь человеческая имеет граней, составляющих в совокупности самую жизнь; этим, между прочим, объясняется то обстоятельство, что анархические струйки, которые имеют тенденцию превратиться в потоки мощной силы, мы

находим и в философии, и в искусстве, и в политике, решительно везде, но тем не менее не имеем ясного представления об анархизме, как целом. Но есть и довольно многочисленные попытки дать общее определение анархизма как целого, охватывающие все его стороны и изгибы, эти определения носят метафизически-философский, философско-идеалистический, абстрактный, отвлеченный, не жизненный характер, например, анархизм — Всесомнение, Справедливость общечеловеческая, и пр...

Все это, конечно, верно; разве кто будет отрицать?

Анархизм — общечеловеческая Справедливость... Ну, да; но, что ж из этого? Разве это чтонибудь говорит уму? Анархизм — всесомнение... Да, но в то же время и всеутверждение; всеразрушение, но в то же время всесозидание; анархизм — счастье, радость, солнце жизни, но в то же время он горечь и большое мучение, ибо все подвергает сомнению и разрушению, которые предшествуют творчеству и всеутверждению.

Разве эти или подобные определения выясняют сущность анархизма? Разве они заслуживают названия определений, а не упражнений в анархической декламации? разве они жизненны и верны?

Чем вызвана и чем объяснить путаницу в определении анархизма? Какие причины послужили для этой разноголосицы?

Их, конечно много, всех не перечислишь; мы укажем лишь основные; все они коренятся в социально-экономической почве. Анархизм, как указано выше, — учение социально-экономическое, покоящееся на материалистическом понимании истории развития социальных организмов и жизни, а отнюдь не на идеализме и тем паче не на метафизике: эти элементы ему чужды и враждебны, таков фундамент анархизма, заложенный М. А. Бакуниным.

Анархизм явление и социального и экономического порядка, — учение об обществе, вышедшее из глубин самого общества, учение об универсальном мировом хозяйстве, построенном на принципе свободы, труда и довольства для всех, стремящееся на деле к уничтожению существующих хозяйственных форм безудержной эксплуатации и наживы т. е. к полному материальному освобождению класса производителей, а чрез него и всего человечества, и чрез материальное раскрепощение к освобождению политическому, моральному, религиозному, интеллектуальному и пр. Но это освобождение есть лишь следствие, моментально вытекающее из факта экономической свободы, что или забывается, или не понимается, а это нужно твердо помнить.

Так именно понимался анархизм его отцом М. А. Бакуниным, так он понимался и его учениками.

Программная ясность и определенность анархизма того времени не подлежит сомнению; это спасало его от извращения и являлось мощной преградой появления множественности понятий и его определений. В силу же наличности программы и ясности анархизм имел тогда успех, он стал великой общественной силой, силой интернациональной, он владел умами пролетариата многих стран.

События 1871 года — подавление Парижской Коммуны, торжество буржуазии, общественная реакция — оказали свое действие.

Как всегда во времена беспросветной реакции, когда общественная жизнь задавлена, вопросы общественные, социально-экономические отходят на задний план, а выдвигаются вопросы, обсуждение которых непосредственно не грозит целостности и благополучию буржуазного общества, это — вопросы морали, искусства, религии и др. Решение таких вопросов в такие эпохи всегда носит на себе печать реакции, извращения и опошления.

И вот после 1871 года и падения анархического рабочего интернационала наступила эпоха духовной и физической реакции. Люди всех классов искали выхода из затхлой установившейся политической атмосферы и находили этот выход, всегда болезненный, уцепившись за чтонибудь здоровое, которое, пройдя горнило их ума, представлялось уже в нездоровом свете.

Анархизм, благодаря своей неизмеримой широте и глубине, явился и продолжает являться якорем спасения и широким полем деятельности, искалеченных физически, умственно и нравственно личностей, обосновывающих всякого рода болезненные теории во всех плоскостях жизни. Материально пресыщенные, но духовно неудовлетворенные просвещенные буржуа, очень редко индивиды эксплуатируемого класса, пускаются в крайний „анархический“ индивидуализм вроде Штирнера, и Ницше, Маккая или мещанина Теккера; художники, поэты — в декаденство, футуризм, мистику; рабочий приходит к обоснованию динамитного или как у нас в недавнем прошлом, „безмотивного“ анархизма, иные же просто делаются мизантропами, Гамлетами, Печериными. Все это прикрывается священным именем анархизма.

Иные же, либеральствующие ученые, философы и просто болтуны „углубляют“ анархизм, придавая ему значение исключительно философское. В такие эпохи, анархизма, как движения производителей, как философии, религии, этики этого класса, как явления социально-экономического, как силы движущей массы эксплуатируемых к свободной мировой жизни, нет; такой, т. е. истинный анархизм, видите ли, хотя и красив, но ложен и утопичен.

Анархизм многогранен, как жизнь, ибо он так же универсален как она и потому каждый ищущий может найти в нем свою исконную грань и довести ее до логического абсурда, а в особенности в дни реакции, когда нет здорового равновесия в обществе и людях. Такую эпоху, эпоху извращений пережил анархизм во Франции в „эпоху динамита“ и у нас в 1905 году, в „эпоху бомбизма“ или „револьверного анархизма“.

Ныне мы как будто переживаем такую же эпоху извращений анархизма, но не в сторону актуальных извращений, а в сторону искажений теоретических, наше время — отрывка эпохи 1905 года, смердящий запах которой быстро начинает улечиваться. Вот, собственно, это и есть причины, объясняющие факт наличия громадного количества определений анархизма: они не научно-объективны, а индивидуально-субъективны.

Когда же наступает момент пробуждения общественной мысли и сознания, тогда на историческую сцену выплывает, как теперь,

настоящий доподлинный анархизм, как учение о свободном мировом хозяйстве, но облепленный слоями грязи, извращений, отложившимися на его здоровом теле в эпоху умственного и общественного стояния, тогда начинается мучительный процесс очищения, мы ныне его переживаем; процесс похож на перерождение.

В такой момент анархическому движению нужны люди, одержимые великой жаждой очищения. Можно сказать наверное, что все извращения анархизма не имели бы для него абсолютно никакого значения, если бы он сумел сохранить в такие эпохи ясность, определенность своих целей, если бы он сохранил свою программу, а не подменил ее целым рядом широких общих положений, которые можно истолковывать и вкривь и вкось, в зависимости от умонаклонения толкующих.

В настоящее время мы, подобно Франции после Коммуны, изживая наследие прошлой революции, находимся в таком же положении в котором находились французские анархисты перед моментом воскресения истинного анархизма в анархо-синдикализме. Мы находимся еще в процессе изживания старых губительных предрассудков; этот процесс — причина современного извращения анархизма. Кривой, зигзагообразный путь анархизма, как в России так и во всем мире приходит к концу: в воздухе носятся идеи истинного анархизма, анархизма широких рабочих масс, класса производителей — *анархо-синдикализма*.

Задача анархистов облегчить процесс перерождения.

Итак, поскольку наличность программы и ясности целей спасали анархизм от разложения и извращения, постольку отсутствие этих элементов в сильнейшей мере способствовали этому процессу распада и опошления.

Но для того чтобы облегчить и ускорить процесс очищения и перерождения анархизма необходимо указать причины разложения в анархических рядах и причины, обуславливающие факт отсутствия в России анархического движения пролетариата и крестьянства.

Причины разложения и идейной неустойчивости анархистов в России — специфически русские; их можно свести к следующим четырем основным:

- 1) Низкий уровень культуры вообще,
- 2) Слабая и сравнительно поздняя пропаганда анархизма,
- 3) Преобладание пропаганды извращенного анархизма, (отрыжка „эпохи динамита“, эпохи Равашолы, который не к чести анархистам, стал героем, святым и мучеником, эпитеты не по заслугам данные).

- 4) Внутреннее неверие самих анархистов в осуществление идей Анархии в ближайшем будущем, хотя бы частично.

Что три первых основных причины безусловно верны, я думаю, никто в этом не сомневается и потому они не требуют доказательств; что же касается четвертой, то пусть каждый, присмотрясь к себе и другим, даст, ну, хотя бы только себе беспристрастный вывод из своих наблюдений и я уверен, он совпадет с четвертой основной причиной.

Что же касается причин, обуславливающих отсутствие пролетарско-крестьянского анархического движения, то их тоже не трудно разы-

скать и указать, это — во первых, *отсутствие в анархических головах ясности теории и целей и, во вторых, самое важное — отсутствие программы*, эти причины, между прочим, объясняют наличие множественности всякого рода „Анархизмов“, отсутствие людей, крепко усвоивших основные начала истинного анархизма, т. е. анархо-синдикализма, отсутствие общественности и чувства солидарности в анархической среде и еще многие смертные грехи, о которых мы сейчас говорить не намерены. Кто может отрицать, что в анархических головах не отсутствует ясность в теории и целях? А это объясняет отсутствие программы, Причина же и ее следствие, возведенное действительностью на степень причины, в совокупности порождают всякого рода „анархизмы“ от пананархизма, социотехникализма да всякой „анарходребеден“ включительно,

Программа — теория до максимума сконцентрированная, от чего она не только не теряет ясности и определенности, но наоборот, выигрывает. Жизнь с железной логикой целесообразности диктует необходимость программы для всех социально-экономических доктрин, ибо при помощи программы та или иная доктрина проникает и фиксируется в уме масс, неспособных охватить теорию во всей ее широте; программа приковывает их к себе и обретает в них свою силу, и жизненность. Благодаря наличности программы и ясности целей как мы увидим ниже, буржуазия побеждала в прошлом, благодаря программам мы не наблюдаем чрезмерного хаоса, распада в рядах государственного социализма, программа Бакунина сковывала анархистов времен Первого Интернационала, отсутствие ее у нас, у анархистов текущего времени, обуславливает имеющийся разброд в наших рядах.

Революция встряхнула Русь, подняла ее культурный уровень, повысила степень сознательности вообще, и классовой в особенности, дала возможность усилить анархическую пропаганду.

Наши идеи имели успех, и уже казалось, что мы стояли перед фактом широкого анархического движения эксплуатируемых масс. Но вдруг резкий поворот, несмотря на то, что жизнь уничтожила почти окончательно „анархизмы“, — мы у разбитого корыта... Почему?

Не потому ли что мы не имели программы, не потому ли что мы забыли, а может быть не знали, что „в политике не может быть честной и полезной практической деятельности без ясно-определенной теории и руководящей цели. В противном случае, сколь мы не воодушевлены самыми широкими и свободолюбивыми чувствами, мы могли бы придти к практике, совершенно противоположной этим чувствам, мы могли бы начать с республиканскими, демократическими и социалистическими убеждениями, — а кончить как Бисмаркианцы или как Бонапартисты?“ *) Да, поэтому и, кроме того, случилось именно так, как говорит Бакунин; многие начали с крайнего анархизма, а кончили социал-демократизмом, марксизмом, столь родственным бисмаркизму. Этот процесс измены, ренегатства и отступничества еще продолжается, конечно, сожалеть не приходится — скакать дорого, — ибо этого повидимому требует мельница исторической

*) М. Бакунин, «Федерализм, социализм и антитеологизм» стр. 45.

необходимости; она измелит и измочалит все гнилое и дряблое, здоровое выйдет целым, невредимым и еще более крепким, это крепкое и послужит основанием для нарождения новых, свежих, бодрых сил. Все здоровое и прекрасное рождается в муках, и болях, анархизм не являет собою исключения.

Но возвратимся к дальнейшему раз'яснению причин нашего поражения в текущей революции. В самом деле, чем об'яснить наше поражение в Революции, когда шансы на успех были высоки, а политический барометр в Октябре 1917 года показывал ясную анархическую погоду?

Причины, об'ясняющие наше поражение лежат в нас самих. Причинны эти суть те же, которые обусловили 70 лет тому назад поражение социализма, т. е, отсутствие программы и ясности в теории и целях. „Социализм проиграл это первое сражение (1848 г.) по очень простой причине: он был богат предчувствиями и отрицательными теоретическими идеями, он был тысячу раз прав, споря против привилегий; но ему совершенно не доставало положительных, практических идей, которые необходимы, чтобы можно было построить на развалинах буржуазной системы новую систему, систему народной справедливости. Рабочие, сражавшиеся в июне за народную эмансипацию, были соединены инстинктом, а не идеей, — их смутные идеи составляли все вместе хаос, Вавилонскую башню, из которой ничего не могло выйти. Такова была главная причина их поражения“.*)

Замените социализм анархизмом, сорок восьмой год прошлого века семнадцатым годом нашего века, июнь октябрем и вы получите правильный ответ, на выше поставленный вопрос.

Исторический факт, имевший место семьдесят лет тому назад, не был нами учтен, нужно думать, что после горького опыта мы будем более знакомы с историей и, учась на ее ошибках будем избегать их повторения.

Не говорит ли нам М. А. Бакунин, как в этой, так и в выше-приведенной цитате за то, что нам необходимо обратить серьезное внимание на то, чтобы наша теория и цели носили вполне определенный конкретный характер, фиксированный в программе, тем более что „неопределенность воззрений самих социалистов (читай — анархистов) на счет общественной организации, к которой следует стремиться, ослабляет до известной степени их энергию“?**) И разве опыт октября не говорит нам то же самое?

Что же мы видим на самом деле? Учили ли мы факты истории и пошел ли нам в прок урок нашей революции? Приступили ли мы к конкретизации нашей теории и руководящей цели? Создали ли мы программу или все еще продолжаем считать, что она не нужна, излишня и противоречит основным положениям анархизма, несмотря на то, что приведенные цитаты наших учителей говорят противоположное?

К сожалению приходится сказать — да, не научились. Даже больше того, мы расплываемся мыслью по древу, мы хотим охватить

*) М. Бакунин, „Федерализм, социализм и антитеологизм“ стр. 72—73.

**) П. Кропоткин, „Анархия ее философия, ее идеал“ стр. 26.

все и всех, мы хотим всех объединить, мы хотим „об'ять необ'ятное“ и считаем это достоинством, всякую же попытку конкретизаций нашей теории считаем узостью. Расширяем свою теорию до пределов невозможного, абстрагируем и продолжаем жить в мире воздушных замков и иллюзий, мы занимаемся поэзией, проповедью, болтовней, но не делом. Мы стремимся создать „единый целостный анархизм, играющий всеми тремя гранями анархии: индивидуализмом, коммунизмом и синдикализмом“, забывая, что эти элементы органически спаянные составляют сущность анархо-синдикализма, что каждый из этих элементов, доведенный до логического конца не может быть органически и даже механически соединен с другими и составить какое либо единство,—заблуждение резко бьющее в глаза, но тем не менее проводимое ныне многими товарищами в жизнь. Приходится только лишь пожалеть, ибо их труд и энергия уходят на Сизифову работу.

Стремление к широте в ущерб ясности, глубине и определенности губит наше движение, отныне мы должны судить все течения анархические по их практической программе и по приложению в жизни их теории.

„Как велики не были абстрактные идеи свободы, равенства, свободного прогресса, которые вдохновляли самых искренних представителей буржуазии 89—93 гг., мы обязаны их судить по их *практической* программе, по приложению их теории“.

„Абстрактная идея останется неопределенной; — как она выражается в фактах реальной жизни? Посмотрите на социалистов наших дней (и анархистов), которые черпают свое вдохновение, свой энтузиазм в величии общей идеи счастья масс, но как разнообразны их теории относительно практического осуществления этого идеала. Для одних социализм — освобождение человеческого рода, меж тем как для других он едва обозначает реформу заработной платы! И между этими двумя крайностями мы находим всевозможные оттенки.“

„Абстрактная идея может дать место самым разнообразным программам; стало быть, нам нужно судить не по идеи, но по программе“*).

Кропоткин прав. Нам нужно судить о других, а главным образом о себе только и исключительно по программе и по теории практического осуществления своего идеала. Но увы, если мы начнем искать программ в анархических течениях, мы их не найдем, напрасный труд; если начнем искать теорий практического осуществления идеала, то мы найдем, я исключаю анархо-синдикализм, лишь одну, извините за выражение, „теорию“, которую можно формулировать в четырех словах: „Рабочие, крестьяне, делайте сами!“ „Творите сами свою жизнь!“ „Берите в свои руки!“ и так далее, и тому подобно в таком же духе и на тот же мотив.

Программа? Ну, что вы, разве вы со вчерашнего дня в анархическом движении. Анархисты не могут навязывать народу какие бы то ни было программы, какие бы то ни было формы общественной организации, мы можем только лишь советовать чтоб фундаментом

*) П. Кропоткин, „Великая Революция“ стр. 8—9.

этой организации было — безвластие. Народ сам в процессе борьбы создаст себе программу.

Конкретизировать будущий строй? Что вы, что вы!?

Вы после этого не анархист, а усыпитель. Наше дело проповедывать, проповедывать до последнего издыхания.

Таким господам анархизм, как учение о мировом хозяйстве, чужд. Анархисты они не по разумению, а по чувству и темпераменту.

Они не хотят понять, хоть кол им на голове теши, и не поймут, „что у буржуазии идеи освобождения выражались в законченной программе политической и экономической организации, народу эти самые идеи преподавались в виде ряда отрицаний, без указаний на то, что возникает на месте уничтожаемых учреждений. Можно даже сказать, что те, кто обращался к народу — совсем как социалисты нашего времени (и анархисты) — избегали точности. Сознательно или нет, они как будто говорили: „Зачем говорить народу, каким образом организовать впоследствии.

„Пусть он только приобретет большую силу, энергию для атаки старых учреждений. Это все, что от него требуют; позже мы увидим каким образом устроиться“.

„Народу не говорили о будущем. Как будто боялись охладить его революционную энергию и обращались только к чувству. Перед ним разоблачали злоупотребления, ему говорили: „Восстань! Все устроится к лучшему!“ Сколько социалистов и анархистов действуют и теперь еще таким образом! Желая приблизить день восстания, они называют всякую попытку очертить будущую организацию усыпляющей теорией“*).

Можно было бы привести еще ряд цитат, подтверждающих правильность моей мысли, что нам необходимо иметь программу, и что программа не противоречит букве нашей догмы, а логически из нее вытекает.

Приведенная цитата очень верно характеризует ныне господствующее в анархизме „течение“ под наименованием — „единый анархизм“, от нее ничего нельзя ни отнять ни прибавить.

Итак, жизнь и теория требуют от нас выработки определенной ясной программы будущей организации общества и теории практического достижения идеала безвластия (анархии).

Откинув предрассудки и посчитав за нелепость противоборство с жизнью, мы должны приступить к выработке программы анархо-синдикализма, ибо только программа спасет нас от расхлябанности, абстрактности и гибели.

Мне лично и еще некоторым товарищам план программы представляется в следующем виде:

- I Философия Анархизма (с Годвина, кратко).
- II Исторический обзор, (периоды: Бакунин, Кропоткин, Малатеста, Равашоль, Пужэ).
- III Русская Революция (Анархо-синдикализм в России).

*) II. Кропоткин, „Великая Революция“ стр. 9—10 и „Великая французская Революция 1789—93“ стр. 12.

Собственно программы:

IV Анархо-синдикализм:

а) Экономика:

1. Кооперативы, 2. сельское хозяйство, 3. значение профессиональных союзов (цеховые, производственные, индустриальные), 4. Ф.-З. Комитеты, 5. организация распределения, производства и денежная система 6. экономический строй анархо-синдикализма.

б) Политика:

1. Советы (формы и цели советов), 2. Вольный город (роль Домового Комитета), 3. Вольная деревня, 4. Гражданский строй.

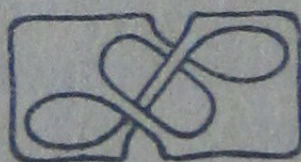
в) Культура:

Организация культурного дела.

V Анархический коммунизм.

VI Тактика.

Гр. Максимов.

Новые пути экономического строительства.

Профессиональное движение, в настоящее время, переживает новую фазу своего развития. Начавшееся под знаменем узкого профессионализма и трэд-юнионистического соглашательства в экономической сфере деятельности рабочих масс, движение это ныне развертывается под лозунгом создания единых производственных классовых союзов могущих защищать как интересы трудящихся так и интересы самого производства.

Новая эта форма строительства рабочих организаций не является особенностью русского профессионального движения, так как производственные союзы существовали, и по сию пору существуют в Западной Европе а в особенности в Америке. Чем отличаются принципы и тактика производственно — организационной политики русского рабочего движения от таковых союзов за-границей?

Главная и основная разница существующая между этими двумя типами производственных союзов — это то, что за-границей производственные союзы создаются с целью борьбы с капитализмом; методы борьбы, — стачки, саботаж и т. д. красноречиво свидетельствуют о том, что главной целью являются — *разрушительная борьба...*

В России-же, построение этих союзов имеет своей главной, если не единственной задачей, сторону *созидательную* — строительство с целью непосредственного налаживания, урегулирования и фактического ведения того или иного производства.

Указанная существенная разница между основными задачами русского и заграничного профессионального строительства вызывает необходимость в целом ряде существенных изменений, которые мы, анархо-синдикалисты, должны учесть при обсуждении, а тем более при осуществлении, новых форм самостоятельно организованного рабочего строительства.

Во главу угла профессионального движения за-границей ставился принцип федералистических взаимоотношений между составными частями данного производственного объединения: центр тяжести союзной деятельности переносился на отдельные части, составляющие данный союз, при чем сам союз играл лишь роль наблюдателя, добродушно следившего за автономной деятельностью составных его частей или секций.

Так, например, в Англии, производственный союз рабочих тран-

спорта состоит из вполне автономных и независимых друг от друга союзов: железнодорожников, докеров (водников), возчиков, извозчиков и др. Эта автономность полезна и необходима: она дает возможность каждому отдельному союзу, входящему в состав производственного объединения, действовать против существующего строя на свой собственный риск и страх, и собственными средствами и усилиями. Лишь когда движение разрастается, когда оно требует общего усилия и единого фронта, объединяющее звено является на сцену и координирует всю работу, все выступление. Ясно, что там где движение носит характер отрицательный и разрушительный по отношению к окружающему экономическому строю, автономные — или вернее сепаратные — действия одной части пролетариата, одной части производственного объединения могут гораздо легче расстроить аппарат и вовлечь все другие части гораздо скорее в круговорот начинающейся разрухи, чем если дать всем этим частям предварительную возможность обсудить целесообразность или несвоевременность того или иного шага в их борьбе против эксплуатации и капитализма.

Повидимому экономическое поле битвы руководствуется такими же законами как и военное поле битвы. Партизанские отряды имеют огромное значение для того, чтобы терзать и беспокоить сильного врага. Партизанская экономическая борьба имеет также свое огромное значение как коршун, терзающий „тело“ капитала. Основные черты партизанщины — автономия, сепаратизм — полезны лишь тогда, когда они действуют во враждебном нам лагере, но эти же черты делаются вредными, когда действуют у нас „дома“, на очищенной от врагов территории. Точно также и в области производства: сепаратизм и автономия „переходят в свою противоположность, когда проявляются, у нас — дома, в союзах, ставящих целью — *созидание*.

Американские индустриалисты впервые *конкретно* поставили вопрос о „завтрашнем дне“, когда рабочие захватят в свои руки все орудия производства. Они пришли к заключению, что формы нынешнего организационного строительства рабочих союзов должны быть приспособлены не только к борьбе с подлежащим разрушению окружающим нас строем, но и к организации всего производства т. е. к строительству новой жизни. Сопоставляя эту двойную задачу современного рабочего движения с существовавшей до сих пор якобы автономией — а на самом деле, — сепаратизмом, мы приходим к заключению, что безоговорочный федерализм, который считался святым святых всего анархического миросозерцания, делается неприемлемым, когда вопрос идет о приготвлении и подготвлении стройной, цельной, сплоченной, согласованно-действующей армии труда.

Американские „Индустриальные Рабочие Мира“ впервые, выдвигают лозунг более централизованных форм профессионального движения. В их программе они отмечают необходимость организации рабочего класса таким образом, чтобы „все ее члены в данном производстве, или если это окажется нужным, во всех производствах прекратили бы работу как только объявляется стачка или локаут в известной его части: таким образом, вред нанесенный одному есть вред нанесенный всем“.

Но программа в то-же время предполагает и созидательную роль

этой организации после экономического переворота. Таким образом можно, казалось-бы, придти к мысли о возможности чисто арифметического подсчета положительных или отрицательных сторон федерализма или централизма, смотря по тому, что в данное время имеет перевес: разрушительный или созидательный момент. Так просто, смотреть, однако, на самые *принципы* федерализма или централизма было бы, разумеется, слишком легкомысленно, ибо здесь не может быть и речи о применениях механического, автоматического централизма в области экономической организации страны, который, без всякого на этот счет сомнения, уничтожит и будет уничтожать всякую самостоятельность и всякий дух инициативы рабочего или рабочей организации. Но с другой стороны, мы должны понять, что тот федерализм, который до сих пор нами пропагандировался и противопоставлялся централизму, был крайне расплывчат, весьма близок к отсутствию всякой организованности; правда, давалась „полная“ свобода для развития личности и ее инициативы, но отсутствие планомерности в предпринятой работе превращала неизбежно самостоятельность в нечто бесплодное и беспочвенное.

Из этого следует, что мы должны энергично бороться не только против огульного, властного централизма, но не менее энергично, и против распыленного и не введенного в известные рамки федерализма, носившего, повторяю, до сих пор скорее характер сепаратизма и от себятины. Действительная жизнь—а в особенности жизнь, творящая новые, свободные формы человеческого общежития—требует от нас не отвлеченных понятий и форм, а конкретных приемов борьбы и строительства, могущих выполнить возложенные на нас задачи. Нам необходимо прибегнуть к тактике „координированного“ федерализма, а это означает: *автономность без предварительной согласованности по всей линии должна быть отвергнута, но и приказ центра, без сговора и без согласованности с местами не допустим*. Этот федеративный регулятор—а поскольку он регулятор постольку он централизован—есть, как раз, тот предохранительный клапан, который даст нам возможность избежать, на нашем пути к грядущему строительству и Харибды механического централизма и Сциллы расплывчатого и бесплодного федерализма.

А. Шапиро.

О переходной стадии.

Осторожность, осторожность,
осторожность, господа.
Некрасов.

Да к осторожности приходится призывать порой и анархистов.

Меньше кого-бы то ни было, мы застрахованы от уклонов, скачков, капризов. Ибо развитие наше и движение идет изумительно *скачкообразно*. Можно было-бы утешиться мыслью, что эти скачки—участь не только русского анархизма. Уже линия действия и тактики Бакунина богаты этими капризами, скачками, прихотливыми изгибами. Бакунин формулировал-ли принцип синдикализма?—Да, если хотите. Бакунин опирался на *дикое* восстание крестьян?—И для этого заключения пару цитат найдете. Бакунин восхвалял разбойника, этого революционера *sans phrase*? Есть „грех“. Бакунин гениально вскрыл новые формы вождения к власти *интеллигенции*?—Несомненно. Не он-ли идеализировал русскую интеллигенцию, видя о ней *коллективного Пугачева*? И это факт. Филистер, одев колпак и ночные туфли, вооружается карандашем и... выуживает рыбешку за рыбешкой: улов чудный, удачный, „противоречий“—сколько угодно. Прибавить к этим „фактам“ научное „обобщение“—гласящее, что эти противоречия вытекают из мелко-буржуазной природы анархизма и... готово „научное“ исследование, можно уже получить гонорар по повышенной ставке!..

Увы, надо сказать горькую правду: скачкообразность нашего развития нисколько не подобна Бакунинской. У Бакунина—*единство* основного тона, социального замысла, „противоречиво“, капризно порой лишь внешнее проявление его... У нас—в нашем движении—просто бестолочь, отрывки недодуманной повести, недопетой песни...

Оттого-то мы бросаемся в крайности, нет у нас коллективного опыта, нет творческих традиций, а без такой связи с прошлым нет и *будущего*. Мы—практики, точнее—говорим языком практиков, как только станет на очередь серьезная проблема *теории*. Мы—теоретики, как только надо решать задачу практики. О синтезе и помина нет, а ведь для революционера, казалось бы это—элементарная истина: *нет* практики без теории. Кажется, в наших рядах начинается *перелом*. Есть жажда реального *делания*, надоели разговоры с критикой плохой практики других...

В связи с этим переломом выдвигается новый ряд вопросов, в том числе и вопрос *о переходной стадии*.

Вопрос серьезный. Но „осторожность, господа“ а не то попытка решения этого важного вопроса, вместо освещения нашего пути, может нас вовлечь в болотце минимализма. Может создаться теория *о неизбежности* какого-то чистилища синдикалистского—прежде, нежели попасть в рай коммунизма...

Под видом и флагом новатора пройдет консерватор, под покровом *расширения* базы нашей работы скроется *ликвидаторство*.

Этим предостережением я и ограничусь, сделаю лишь несколько, общего характера, замечаний.

Первое. У нас нет *переходных стадий*. Есть единое наступательное движение, в процессе которого мы то разрушаем, то создаем... Сейчас перед нами стоит такой вопрос: мы изгнали буржуазию из сферы производства и управления.

Что-же дальше делать?

Лозунгист скажет: „ай-да в царство свободной коммуны!

„Всем, ребята, по потребностям, ото всех по способностям“. Боюсь, как-бы не оказалось, что „способности“ многих „ребят“ выразятся в наличии больших „потребностей“... На деле ведь все это бесконечно сложно: ибо возможна такая ситуация: рабочий класс *не* настолько минималист, что-бы *служить* капиталу, но не настолько созрел, что-бы сразу установить царство свободы... Пролетариату, увы, часто можно будет сказать слова Нищие: я не хочу знать *от чего* ты освободился, ты скажи *для чего* ты освободился“. Остаться нам в оппозиции, бить в набат „языком агитации“—нечто совершенно немыслимое. Ясно, что неизбежно выработается какая то промежуточная, „временная“ форма, а так как рабочий класс хочет сознательно творить свою историю, то он и хочет *угадать* эти формы, *предвидеть* их, что-бы их *преодолеть*. Все это делает ценным *постановку вопроса* о „переходном“ моменте. Значит-ли, что *мы* сторонники переходной стадии? Ничего подобного! Просто даны своеобразные условия борьбы, во имя той же цели.

Мы не отказывались от конкретной экономической борьбы в пределах буржуазного общества—значит-ли, что мы признавали переходы, стадии? Ничего подобного: мы брали реальные условия, как исходный пункт для борьбы. Мы входим в синдикализм, ведем повседневную организационную работу. Но это не минимализм, не переходная стадия.

Всякое учение о неизбежности стадии *делает* эту стадию отчасти неизбежной потому, что *фаталистически суживает размах воли*...

Второе: Синдикализм не есть предварительный *этап* к коммунизму. Синдикализм есть метод организации рабочих, воспитание боевой воли и способ реализации коммунизма в его высшей форме—при „урбанизме“, при логике машинного производства.

Лозунги коммунизма—каждому по способностям—организационные замыслы коммунизма носили характер моральной максимы, пожелания, и были проникнуты скорее идеей правильного распределения, и примитивного производства.

Синдикализм должен реализовать коммунизм на высшей стадии технического развития.

Если суждено реализоваться промежуточной форме—она не будет похожа *целиком* ни на коммунизм, ни на синдикализм; синдикализм не является каким-то неполноправным „усеченным“ коммунизмом...

Подальше от соблазнов минимализма под видом и предлогом реалистического созидания!..

И. Гроссман—Рощин.

Бакунин о государстве, патриотизме и войне.

Есть мыслители, творцы, о которых можно сказать, что их центральная идея, их заветный идеал является как бы *врожденным*, органическим „свойством“ души. Вся их деятельность — только обнаружение основного свойства, только раскрытие и проявление «идеи».

Одаренные этим свойством творцы как бы объясняют и оправдывают учение Платона, утверждавшего, что душа наша еще до рождения «со-зерцала» и обрела *идею* свою, здесь же, «в мире печали и слез», она лишь *припоминает* то, что видела и слышала «в мире ином». Заслуга *воли* мыслителя или поэта выражается лишь в том, что она не дала „скучным звукам земли“ заглушить «голос небес».

Основная идея Бакунина несомненно является *органическим* элементом его души. Эта идея—*свобода*. И не отвлеченной идеей, конечно, и не партийным лозунгом является выставленный им принцип: «Свобода *неделима. Нельзя урезать часть, не убивая целое*»... Дробить свободу, минимализировать ее, это значило для Бакунина — дробить и калечить душу свою. А его друго-враги только то и делали, что «дробили» свободу, подыскивая „научные“ оправдания для этой операции.

Б отношении Бакунина к войне, к патриотизму имеется то же живое единство, как и в его отношении к свободе. Надо только не пользоваться тем или иным кажущимся уклонением, надо обратиться к *сущности* воззрений Бакунина по этим вопросам, столь живым и волнующим именно в настоящее время.

Трудно себе представить Государство без психологической предпосылки его, патриотизма.

Как определяет Бакунин Государство? Мы позволим себе привести длинную цитату, дающую ясный ответ на этот вопрос:

„Что такое Государство? Метафизики и доктора прав отвечают нам, что это то, что принадлежит всем; интересы, общее благо и право всех в противоположении разделяющему действию эгоистичных интересов и страстей каждого. Это—земная справедливость, земное осуществление морали и добродетели. Следовательно, для индивидуумов не может быть более высокого подвига и более высокой обязанности, как продавать

себя, жертвовать собою и, в случае нужды, умирать ради торжества, ради могущества Государства.

Вот в немногих словах вся теология Государства. Посмотрим теперь, не скрывает ли эта политическая теология, также как и теология религиозная, под очень красивой и поэтической внешностью очень обыкновенные и грязные реальности.

Проанализируем сперва самую идею Государства, взяв ее таковой, как нам ее представляют его восхвалители. Это—пожертвование естественной свободой и интересами каждого,—как индивидуумов, так и сравнительно меньших коллективных единиц: ассоциаций, коммун и провинций,—ради интересов и свободы всех, ради благоденствия великого целого. Но это общее, это великое целое,—что оно такое в действительности? Это совокупность всех индивидуумов и всех более узких человеческих обществ, которые его составляют. Но раз, чтобы его составить и соподчиниться в нем, все индивидуальные и местные интересы должны быть пожертвованы, то чем же является в действительности то целое, которое в идее должно быть их представителем? Оно не является живым единством, предоставляющим каждому свободно дышать и делающимся тем более богатым, могучим и свободным, чем шире разворачиваются в его лоне свобода и счастье каждого; оно не является естественным человеческим обществом, которое утверждает и увеличивает жизнь каждого посредством жизни всех;—напротив того, оно является закланием всех отдельных индивидуумов и всех местных ассоциаций; абстракцией, убивающей живое общество ограничением, или, лучше сказать, полным отрицанием жизни и права всех частей, составляющих общее целое, во имя выдуманного и фиктивного общего целого. Таково Государство, этот алтарь политической религии, на котором постоянно происходит заклание естественного общества. Это всепожиратель, живущий человеческими жертвами, подобно Церкви. Государство, повторяю еще раз, меньшой брат Церкви.»

И далее:

«Государство по самому своему принципу есть громадное кладбище, где происходит самопожертвование, смерть и погребение всех проявлений индивидуальной и местной жизни, всех интересов частей, которые составляют, все вместе, общество. Это алтарь, на котором реальная свобода и благоденствие народов приносятся в жертву политическому величию. И чем это жертвование более полно, тем Государство совершеннее».

Бакунин, своим определением сущности Государства, мастерски вскрывает *патологию* Государственности: Государство, полагаящее защищать всех, для целей защиты *уничтожает* свободу каждого.

Вскрытие внутреннего противоречия Государства дает Бакунину возможность осветить и другой вопрос: приносит, приносило-ли Государство *пользу*?

Некритические анархисты часто мотивировали свое отрицательное отношение к Государству *только* тем, что последнее не приносит пользы человечеству. Противники анархизма из сил выбивались, чтобы доказать противное; Государство полезно обществу. Бакунин ставит вопрос иначе. Он допускает, что Государство было полезно, но какого характера эта польза? Государство, в лучшем случае, *могло* дать „благоденствие“—обеспеченность, но не свободу, ибо оно всегда *грабило* свободу во имя

благоденствия. А раз это так, раз благоденствие не есть свобода, раз между жаждой «хлеба» и жаждой «воли» *возможен* (но не обязателен) *конфликт*, то человеку надо *выбирать*... А выбор будет сделан правильно лишь в том случае, если „дитя маловерное“ будет знать, „где его идол стоит“:—чему служить он хочет—животному или человеческому „началу“.

Чем же характеризуется „человеческое“ начало,—как понимает Бакунин назначение человека?

Мало того, что человек не может быть рабом корыта, благоденствия, даваемого порой Государством. Мало и того, ежели человек, которому дан великий *разум*, пользуется этим разумом для наилучшего *материального* приспособления: изобретает орудия, дающие ему возможность называться царем природы. Разве этими орудиями люди не истребляют друг друга, как звери, не пользуются ли усовершенствованной техникой для того, чтобы тиранить, властвовать, поработать? Бакунин дает иной критерий: назначение человека, между прочим, состоит в том, чтобы „*освободить и возмущать мир!*“ *)

Но как же тогда называть тех, которые за чечевичную похлебку—„благоденствие“—продают Государству первородство свое,—свободу? Как они могут „возмущать и освободить мир“, если добровольно „главу пред идолами клонят и просят денег да цепей“ у Государства!.. И уж, конечно, Государство требует „священной жертвы“—пылать *патриотизмом*.

Патриотизм, эта неотъемлемая принадлежность Государства, в действительности все же древнее Государства.

Патриотизм, по Бакунину, включает в себе как бы четыре элемента: 1) естественный или физиологический, 2) экономический, 3) политический, 4) религиозный или фанатический. Для нашей цели вполне достаточно остановиться на анализе физиологического элемента. Бакунин, подобно Шиллеру, предполагает, что голод и любовь являлись основными факторами жизни *первобытного* человека. Бакунин раньше всего констатирует, что большая или меньшая однородность интересов дана *объективно*, внешней средой. Борьба за питание ведет к беспощадной борьбе каждого против всех. Но эта же животная борьба порождает и своеобразную звериную солидарность, зачатки *звериного патриотизма*: данная группа борющихся между собою животных чувствует, что все же интересы ее группы находятся в еще большем антагонизме к другой группе, чем интересы отдельных особей между собою внутри ее самой. Отсюда и временная солидарность с целью борьбы с наибольшим злом. Этот патриотизм потом расширяется в своем масштабе, обогащается новыми элементами,—религиозными, экономическими и др. — принимает облик государственности, но основная его черта, *звериная* природа остается незыблемой и неизменной.

Почему так? Почему бы не предположить, что наряду с расширением, с привнесением новых элементов, в связи с общим ростом культуры, патриотизм теряет свои звериные черты? Наконец, где она, эта демаркационная линия, отделяющая „зоологический“ патриотизм от „человеческого“?

Сама по себе любовь к общине, к своей культуре, еще не является

*) Можно смело сказать, что это понимание Бакуниным *сущности* человеческой природы, его определение „человека“, достойно стать рядом с таковыми Шекспира (искавшего ответ на этот вопрос), Сократа и Спинозы!

отрицательным признаком. Звериность патриотизма, по Бакунину, проявляется „в его ненависти ко всему, имеющему *чуждый* характер... патриотизм—это с одной стороны *коллективный эгоизм*, а с другой—*война*“.

„Инстинктивное отвращение ко всему чуждому, отвращение инстинктивное и, следовательно, совершенно звериное“;—вот черта, которой Бакунин характеризует патриотизм. Он нисколько не игнорирует экономического момента, ибо в конце концов—борьба за рынки не есть разве видоизмененная, расширенная, усложненная борьба за питание? И станет ли кто либо отрицать, что и в наш интернациональный век проснулась эта темная, зловещая сила — отвращение „к чуждому“? Одно во всяком случае, несомненно: это хищническое отношение одной государственной силы к другой.

Прежде, чем перейти к изложению отношения Бакунина к войне, нам хотелось бы сделать несколько пояснительных замечаний. Скажем мимоходом, что мы не согласны с Бакуниным в его оценке факторов, которым подчинялась жизнь первобытного человека. Анархизм дает иной критерий для построения философии истории культуры. Но, оставаясь в пределах затронутой темы, мы считаем нужным пояснить указание Бакунина на то, что Государство *часто вступает в борьбу с узким семейным, общинным патриотизмом*.

Это для нас важно потому, что некоторые анархисты утверждают, будто *всякую* борьбу локальных, местных, общинных, сил против Государства следует учитывать, как явление прогрессивное, которое должно быть поддержано нами. В подобном заключении имеется зерно истины. Совершенно верно, что в борьбе Государства, против автономии местных сил мы *никогда* не усматриваем элементов прогрессивности, но совершенно нелепо *обратное умозаключение*, будто всякая борьба местных элементов против центральной власти, Государства является прогрессивным явлением. Указанный Бакуниным пример борьбы „естественного“,—общинного, локального патриотизма против патриотизма государственного служит ярким, блестящим и несокрушимым доказательством верности нашего положения.

Во имя чего Государство об'являет войну не на жизнь, а на смерть „местному“ патриотизму? Во имя расширения и углубления принципа и начал звериного патриотизма. Во имя чего борется, противодействует локальный, местный патриотизм? Да во имя того же „звериного“ начала, только суженного, упрощенного. Основной же принцип у обеих воюющих сторон остается один и *тот же*.

А между тем это правильное представление о прогрессивности всякой борьбы местных сил с „центром“ породило глубоко неверное учение о *яко-бы* соответствующем анархическим принципам *раздроблении, распылении власти*. Многие забыли что существует *буржуазный, феодальный, мелкобуржуазный, федерализм, ничего общего с анархизмом не имеющий*.

Попутно еще одно замечание. Часто мы слышим упреки, будто анархический коммунизм возрождает полунатуральное хозяйство, товарный обмен, а главное, — возрождает психологию изолированных экономических групп. Это — грубое заблуждение. Дело вовсе не во внешнем, чисто техническом способе организации производства. Самое существенное — это *основной принцип*, положенный в основу данной формы обществен-

ности. Под принципом мы разумеем здесь, конечно, не абстрактную, кем то провозглашенную „идею“, которая часто витает над жизнью, — *а реальное, действительное сознание производителей*. И Бакунин нам выясняет этот „принцип“. Он ставит знак равенства между общинным и государственным патриотизмом, ибо в основу обоих положен одинаковый принцип хищнического отношения к чужому.

Каков же положительный принцип, положенный в основу грядущего общежития? Бакунин дает ответ на этот вопрос в своем замечательном и недостаточно оцененном определении сущности *эксплуатации*. На вопрос: что такое эксплуатация? — он отвечает;

„Отношения, которые, будучи мотивированы исключительно материальными нуждами, не являются... поддержанными и освященными какой-нибудь *моральной* надобностью“.

Обыкновенно принято думать, что эксплуатацией следует считать получение „задаром“ определенного количества благ. Хозяин пользуется „добавочным“, неоплаченным трудом рабочего и т. д. Бакунин же дает нам чисто *качественное* определение этого понятия: пусть вы получили „полный доход“ за труд, пусть вам обеспечили полный материальный „эквивалент“, но раз отношения к широкой, — социальной, а не только экономической, — сфере не мотивированы нравственной санкцией „другой стороны“, то здесь уже имеется налицо эксплуатация.

О, мы прекрасно знаем, что те, которые находятся в плену у идеологии марксизма; те, которые еще не видят, что вся эта хилая фразеология о „базисе“ и „надстройке“, о „бытии“ и „сознании“ изжила себя, что вся эта мнимая наука — „дышло, — куда повернешь, туда и вышло“ — те увидят в словах Бакунина одни лишь добрые пожелания. Но те, что покончили с тусклым царством лженаучных призраков, усмотрят *великий практицизм* в воззрениях Бакунина.

В самом деле: разве отрицание нравственной личности „чужого“ не является важной *психологической* предпосылкой современной войны, как и войн вообще? Древний грек ненавидел варвара, считал, что по отношению к варвару „все позволено“, — этот варвар был раньше всего духовно низшей единицей. Еще Достоевский (устаами одного из героев в „Бесах“) пытался обосновать „зоологический“ национализм: у каждого народа есть свое знамя, свой бог, враждебный другим знаменам, другим богам... Отсюда смертельная лютая ненависть к „другим“. А что делается сейчас, в период войны? Разве „бесы“, в лице представителей современной науки, не пытаются „милитаризовать“ умы? Разве они — то открыто, то замаскированно — не провозглашают: свят только *наш* „бог“, *наша* культура? О чем свидетельствует подобное „варварство“? *Об отсутствии сочувственного опыта*, кладущем здесь грань между „моим“ и „чужим“, о чисто звериной солидарности „к ближнему“ и лютой, хотя и замаскированной, ненависти к „дальному“...

Бакунин требует *этической* санкции „чужого“ — единицы или коллектива, все равно. Это возможно только при *бесконечном расширении сочувственного опыта*. Только тот „патриотизм“ приемлем, который базирует на *универсализме*, на признании равноценности всех „дальних“ и исходит из него. Может ли быть анархизм заподозрен в том, что он возрождает „мелкобуржуазную“ психологию? И не ясно ли, что сочетание автономизма и универсализма — адуша анархизм?

Только такой анархический „патриотизм“, точнее, автономизм, чужд зверства, ибо он исключает сущность современного патриотизма—*эксплуатацию*. Буржуазный же патриотизм — сплошное зверство, порождающее войну.

Как же относится Бакунин к войне?

Раньше всего он разоблачает, какими масками прикрываются сторонники и вдохновители войн, Вот его слова:

„Увы, с колыбели человеческой цивилизации мы находим людоедство. Начиная с этого же времени и не прекращаясь доньше, ведутся все уничтожающие войны, войны рас и народов; войны завоевательные, войны равновесия... войны религиозные, *войны во имя великих идей*, подобные той, которую ведет Франция, управляемая своим теперешним императором, и войны патриотические, подобно тем, которые задумывают ныне пангерманистический министр в Берлине и... панславистский царь в Санкт-Петербурге“.

Разве теперь происходит не то же самое? Разве не панславистский царь и не пангерманистский министр орошают землю кровью народов? Разве Франция и теперь не уверяет, что она ведет борьбу „во имя великих идей“?

Что на самом деле является перводвигателем войн? Бакунин отвечает на это так:

„Всегда эти попытки придать войне вид „человечности и правоты“ лицемерны, ибо в войне мы находим лишь *„стремление одних жить и благоденствовать на счет других“*. Есть только один движущий повод: грабеж, завоевание чужого богатства и порабощение чужого труда“.

Что может быть категоричнее, яснее этого!

В заключение интересно отметить еще, как Бакунин относится к тем, которые поверили, что та или иная война — „во имя великих идей“.—Дадим опять таки слово ему самому:

„Невежды, простецы и дураки даются на эту удочку, но ловкие люди, управляющие судьбами Государств, знают, что цель войны—грабеже.“

Невежды, простецы и дураки!

О, нет, не только они дались на удочку. Горе и ужас в том, что некоторым *анархистам* надо доказывать, что лозунг „отливайте пушки и везите на позиции“—чужой лозунг. Пусть это объясняется моей склонностью к утопизму, но мне все еще кажется, что многие из наших „милитаристов“ прозреют, одумаются: проснется их сознание и они сами ужаснутся своих дел и своих слов!..

И. Рощин.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Железняков — незаконность и Советская власть.

В истории анархического движения быть об'явленным „вне закона“ — при любом режиме такое обычное явление для анархиста, что об'явление вне закона „рабоче-крестьянским“ правительством Железнякова и Махно нас ничуть не удивляет. Быть *против* закона означает — почти неизбежно, и быть *вне* закона. Интересно однако знать как боролись эти два анархиста против правительства, об'явившего их „изгоями“.

Железняков умер геройски на своем военном посту, в рядах *красной армии* того-же рабоче-крестьянского правительства; умер защищая рабочих и крестьян от Деникинских орд, боролся неизменно, всю жизнь, за торжество социальной революции. Сами большевики, в их печати и в надгробных речах, должны были признать все заслуги погибшего борца Железнякова. Может быть смерть героя заставит большевиков согласиться с тем, что об'явление искренних борцов за социальную революцию „вне закона“ позорят *только* тех, которые такого рода „об'явления“ делают.

Когда наконец Советской власти ясно станет, что против идейных борцов за социальную революцию нельзя бороться нечистыми средствами. Докажите на деле, если вы в этом уверены, что анархисты не правы в их плане реорганизации общества на истинно-свободных началах, а не травите их, как травят их все капиталистические и буржуазные государства всего мира и бросьте эту близорукую и преступную по отношению к самой революции игру о „внезаконность“ законных борцов за лучшее будущее и против всех его закаленных врагов.

Французские Анархисты и Третий Интернационал.

Французский циммервальдец и большевик, Анри Гильбо, старается доказать, в своей статье об организации Коммунистической партии во Франции („Правда“ от 16 августа), что к этой партии примкнули, во Франции, как синдикалисты так и анархо-коммунисты. Его старания в этом направлении нас, однако, ничуть не убеждают. Осторожному читателю статьи делается ясным возможность смешения двух окончательно различных органов созданных во Франции за время войны, а именно: „Комитет по восстановлению международных связей“

и „Комитет Синдикалистской защиты“. Во главе первого стояли социалдемократы Лорио, Мерргейм и Бурдерон. Во главе второго стоят анархо-синдикалисты Монат, Перика и Брутчу. Интересно отметить, что Комитет по восстановлению международных связей, по словам самого Гильбо, распался благодаря уходу вправо Мерргейма и Бурдерона; оставшийся-же Лорио примкнул к Третьему Интернационалу. В статье Гильбо зато ничего не сказано о том, примкнули „Комитет Синдикалистской Защиты“ или главнейшие его работники, к новой коммунистической партии организованной Лорио. Это тем более важно и интересно, что анархо-синдикалисты, и вообще анархо-коммунисты (Интернационалисты) принадлежали к комитету Монатта, а не к комитету Лорио. Ввиду этого, заключение Гильбо, что к Коммунистической партии Франции примкнули также и анархо-коммунисты ни на чем не основано и вытекает, повидимому, только из одного и довольно слабого—сображения, и именно, что орган Монатта. „Рабочая Жизнь“, (La Vie Ouvrière) поинтересовался вопросом об отношении товарищей к Третьему Интернационалу. И как-бы ни хотелось т. Гильбо, чтобы этот интерес окончился слиянием анархо-синдикалистов с Коммунистической (государственнической) партией, мы его *желание* не можем принять за факт и спокойно будем ожидать более точных и более полных данных из Франции...

А. В. Луначарский и Анархо-Синдикализм.

На заседании Всероссийского Профессионального Союза Работников Искусств, Нарком Просвещения, т. Луначарский, выразился (отчет „Известий В. Ц. И. К.“ от 12-го августа), что „всякое государство есть организованное насилие одного класса над другим, и если буржуазное государство есть форма насилия буржуазии над пролетариатом, то теперь, при Советской власти, палка обернута своим противоположным концом. Но формы государственности будут изжиты рабочим классом, и единственным наследником умирающего государства являются проф. союзы. Однако, произойдет этот переход по мере умирания государства не сразу, не вдруг, и отнюдь не по методам отечественного доморощенного синдикализма, провозгласившего лозунги: железные дороги—железнодорожникам. Волга—волжанам, и т. п.“

Нас очень радует, что наконец, „Стоящие у власти“ научаются уму разуму и понимают, что иного исторического исхода, как умирания института государства нет и быть не может, и что все наши силы должны идти в указанное направление. Но почему правильную мысль о необходимости и неизбежности безгосударственности облечь неправильным пониманием хотя бы и „доморощенного“ синдикализма? Интересно было-бы знать, кто впервые выдумал клич „железные дороги,—железнодорожникам“? Такой клич чистейший абсурд и доказывает, что автор его не вник в правильное понимание сути синдикализма; синдикализм никогда не говорил, что известная отрасль народного

хозяйства принадлежит рабочим данного хозяйства, а утверждал лишь, что она управляется рабочими данного хозяйства в пользу и на благо всего населения. Мы теперь живем надеждой, что, когда в следующий раз т. Луначарскому придется говорить о синдикализме, он примет во внимание указанную поправку и сделает из нее надлежащие выводы.

Тарифная Пляска.

С 1-го Сентября тарифные ставки снова повышаются: начинается это повышение с 100% для низших разрядов и кончается 60%-м повышением для высшей ставки.

После такого явного отсутствия уважения к цифрам нет никакого сомнения, что тарифная политика буквально лезет на стены, и хотя она якобы узко связана с твердыми ценами, мы склонны назвать тарифную „политику“ — политикой твердых стен.

Чем-же, однако, окончится, в конечном итоге, эта вакханальная пляска „керенок“ и „бонов“ задуманная Экспедицией по Заготовлению Государственных бумаг? Надо признаться, что хотя вся эта канитель с непрерывными скачками ставок и ломает всю так-называемую тарифную политику, это чудовищное обесценение рубля имеет все же таки определенное направление: оно ведет к полному краху всей финансовой системы страны, единственное-же спасение от бумажного наводнения — это безусловное уничтожение бумажек как обменных знаков а замены их натуральным обменом.

Замена эта тем более важна, что пока будут существовать три единицы замешанные в процессе распределения богатств — производство, производитель и Экспедиция Государственных бумаг — нет сомнения, что производитель, являющийся в этом отношении прескверным экономистом, будет надеяться на Экспедицию Заготовления керенок для получения нужных ему предметов. Но пусть последняя закроет свою лавочку, как производитель почувствует, что единственным способом приобрести тот или иной продукт — Это быть его производителем. И тем лучше для нас всех, ибо вопросы производительности труда тогда автоматически отпадут, и никакие сдельные или премии никому не нужны будут.

Натуральный товаро-обмен — это самый здоровый способ покончить со всякой спекуляцией — типа Сухаревки или типа Экспедиции по Заготовлению Государственных бумаг.

А. Ш.

„Народ“.

Наконец, на горизонте Советской России и советского журнализма появился новый орган. Признаться — мы ожидали от органа левого крыла правых Эсэров более глубокого понимания окружающих нас со-

бытий: „титул“ обязывает, а „Народ“ хоть и не является официальным органом Ц. К. партии Эсэров, все-таки не далек от типа „официозных“ органов. В „Народе“ приводятся, повидимому, фуксом и под соусом „советской платформы“ мысли и проекты самой партии. „Народ“ никак не может отделаться от Учредилковской болезни; правда температура больного значительно понизилась, тем не менее бред о четырех-хвостке показывает, что на полное выздоровление надежд нет... Спору нет: пристегивание этой четыреххвостки к перевыборам Советов—штука очень заманчивая даже для советского правительства. Ведь последнее не является-же врагом *по существу* той или иной формы Учредительного Собрания, и очень возможно, что *тактичная враждебность* партии коммунистов к парламентарному строю скоро видоизменится и растает перед дружеским натиском левых право-эсэров.

Но навряд-ли двухлетнее дискредитирование самими-же большевиками, всяких видов учредилок прошло без следа для самых трудящихся, и навряд-ли удастся „Народу“ пустить мыль в глаза *народу*.

Анархо-Синдикализм и „Профессиональная“ цензура.

В одном из первых номеров „Профессионального Движения“, органа Всер. Центр. Совета Проф. Союзов, появилась, за подписью А. Лозовского, статья о „Программе Всеобщей Конфедерации Труда“, где автор статьи указывает на узкий и даже реакционный реформизм нынешних вершителей судьбами французского организованного рабочего движения и бросает всю ответственность за эту политику на анархо-синдикалистов Франции.

В ответ на эту статью следующее письмо было послано в редакцию „Проф. Дв.“:

ПРОГРАММА ВСЕОБЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ ТРУДА И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТЫ.

(Письмо в Редакцию).

В своей статье о Программе Всеобщей Конфедерации Труда („Профессиональное Движение“ № 4) т. Лозовский опять придирается к своему излюбленному козлу отпущения,—к анархо-синдикализму. Во всем оказываются виновны анархо-синдикалисты. Если среди железнодорожников подымается призрак „железные дороги для железнодорожников“, т. Лозовский кричит: „караул, анархо-синдикалисты!“ Если поговаривают о секционном строительстве профессиональных союзов—опять вопли о замаскированном федерализме анархо-синдикалистов... и если в программе Всеобщей Конфедерации Труда отсутствует в настоящее время традиционный революционный дух французского рабочего класса—а с этим все мы согласимся с т. Лозовским—то в этом опять-таки виновны анархо-синдикалисты! И тов. Лозовский их перечисляет, этих „анархо-патриотов“: здесь и Жуо, и Мари, и Блед... Писал-бы о них русский профессионал, знающий французское рабочее движение по наслышке, было-бы еще позволительно. Но писать это парижскому эмигранту Лозовскому — по меньшей мере странно: ведь в профессиональной безграмотности нельзя-же обвинить т. Лозовского!

Беда в том, что хотят поместить в один мешок и синдикалистов и *анархо-синдикалистов* Франции. Это также нелепо, как если сказать, что „независимые“ профессионалы и профессионалы-коммунисты—это одно и то-же просто потому, что оба профессионалы!

Не желая распространяться по вопросу о разных течениях во французском рабочем движении, хочу лишь отметить, что Жуо никогда не был, и не есть, *анархо-синдикалист*; что Блед в том-же положении. Единственного которого можно было бы, с большой натяжкой, назвать таковым, это казначей Всеоб. Конф. Труда, Мари,—и то как „сочувствующего“ только.

Но почему-же, когда т. Лозовский говорит об *анархо-патриотизме* французских синдикалистов, он как раз перечисляет *не-анархистов*? Почему он, с одной стороны, не говорит о синдикалисте Мерргейме, секретаре союза металлистов—он-же социалдемократ-интернационалист, — который на последнем съезде Всеобщей Конфед. Труда повернул вправо и вероятно не мало способствует развитию теперешнего реформизма в рядах Вс. Конф. Труда, а с другой замалчивает о тех, которых он полное право имел бы назвать *анархо-синдикалистами*: о Пужэ, роль которого во французском рабочем движении слишком известна, чтобы нуждалась в рекомендации, о Ивто, о Брутчу и Перика, этих двух самых деятельных членах Комитета Защиты Синдикализма, и наконец о Монате—редакторе „La vie ouvrière“—которые с первых-же дней войны приняли интернационалистскую позицию, и лишь из-за суровых мер французского правительства принуждены были все время молчать. А кто не помнит манифест изданный Монатом в ответ на провозглашение Всеобщей Конфедерацией Труда „священного единения“ и своего выхода, в виде протеста, из состава Конфедерации, или заявление анархистов-синдикалистов из „Temps nouveaux“, что, за исключением четырех, вся организация осталась верной принципам интернационализма и солидарности международного пролетариата?

Почему-бы т. Лозовскому о них не поговорить, вместо того, чтобы преподносить нам, в качестве *анархо-синдикалистов*, людей, которые сами бы отвернулись от этого течения?

Если-же нам скажут, что и среди действительных *анархо-синдикалистов* (не по рецепту Лозовского) имеются и „анархо-патриоты“—что-ж! и *анархо-синдикалистам* пришлось пострадать от этого явления, наравне со всеми другими партиями и организациями.

А вот — *серьезно* поговорить об *анархо-синдикализме*, а не только тыкать его повсюду ни к селу ни к городу, — об этом следовало бы, т. Лозовский.

А. Шапиро.

В помещении этого письма было отказано...

Повидимому серьезно говорить об *анархо-синдикализме* не выгодно: вдруг читатели слишком заинтересуются и захотят не на шутку заняться этим вопросом...

Хотелось бы поставить один лишь вопрос: Не является-ли обязанностью и долгом всякого уважающего себя работника профессионального движения серьезно отнестись к течениям в рабочем движении, получившим право революционного гражданства почти во всех странах Европы и Америки?

В Мире Книг и Журналов.

П. Л. Лавров. — *Парижская Коммуна.* — Издательство Товарищества „Колос“. Цена 16 руб. 75 коп. Петроград, 1919.

Какая прекрасная книга! Какой серьезный вклад в историю борьбы пролетариата! Рабочие, сознательные крестьяне прочтут и должны читать ее внимательно и серьезно. Каждая глава дает материал, дает мысли и наводит на серьезные размышления. Книга эта — не похвала ослепленного, не брань врага, а честное, вдумчивое слово друга революции и труда.

В книге не достаточно, быть может, освещены роль *крестьянства*; не очерчено *достаточно* безмолвие провинции. Не достаточно выявлено предательство буржуазии и ее постыдный торг с пруссаками. Но и то, что дано — незаменимо. Указать все хорошее в книге значит — переписать почти *всю* книгу. Укажем лишь на отдельные штрихи. Seriously выяснено, как сторонники империи, в борьбе с *либералами*, заигрывали с рабочими, провели закон о свободе организации и стачек, способствовали зарождению рабочего движения. Движение, конечно, переросло узкие рамки сторонников империи и стало бить по империи и либералам *одновременно*.

Чудесно выяснены незрелость социалистической идеологии многих вождей, теоретиков, царившее смешение классовой борьбы и демократии, отсутствие ясного, точного плана экономического строительства.

Выделяются ярко фигуры Делеклюза, Вермореля и Мильера. Делеклюз — *политик*, в специальном смысле слова; для него политика — все, экономика — почти ничто. У Мильера теоретическая формула комму-

низма безупречнее, чем у Вермореля, но *искания* Вермореля ценны, плодотворны. Он подчеркивает, что задачи „правительства“ — уничтожить себя, что правительство никогда не дает свободы, что только творчество *экономической* жизни есть залог настоящего равенства. Поучительны и разногласия их по вопросам федерализма, при чем Верморель — более последовательный федералист.

Как живы страницы, посвященные оценке Коммуны.

Как плодотворна основная точка зрения! Она проста, ясна: Коммуна была сильна, поскольку оставалась верной основной идее *своей*, слаба и немощна — поскольку „виноградник свой не сберегла“ и уклонялась... в меньшевизм, то бишь, я хотел сказать, от основной задачи. Ценность коммуны — в том, что она впервые явилась организацией пролетариата, противопоставила себя *всем* враждебным силам. Лавров не скрывает темных сторон движения: были и маленькие люди — пропорционально взятому на себя делу, были дразги, мелочи быта, но что-же делать? Лавров цитирует слова Бакунина „люди не преображаются, не перерождаются в один день, не меняют своих привычек когда угодно“. Как нужны нам слова Лаврова об одной из причин гибели революции: „революция не нашла в передовых партиях людей с *надлежащим* знанием и умением военного дела“. Вероятно и там были враги специалистов и энтузиасты „повстанчества“.

Еще раз: книга — это клад и подарок рабочим.

Ее надо читать, изучать. Она должна сделаться настольной.

И. Р.

А. Карелин. *Жизнь и деятельность Михаила Александровича Бакунина*. Изд. Всероссийской Федерации Анархистов - Коммунистов, М. 1919 г. Цена 7 рублей.

Хороших книг или даже брошюр, не считая солидной книги Корнилова: „Молодые годы Михаила Бакунина“, охватывающей всего лишь русский период жизни великого революционера, мыслителя и отца анархизма, на русском языке нет. Все же что имеется, принадлежит в подавляющем большинстве перу, если не отъявленным врагов великого апостола Социальной Революции, то противникам его учения,

Карелин анархист, старый анархист и при том как бы является последователем М. А. Бакунина, с большой начитанностью, даже эрудицией, но тем не менее его 56 страничная брошюра о Бакунине не является ценным вкладом в анархическую литературу и литературу о Бакунине.

Брошюре дан многоговорящий и многообещающий заголовок, на самом же деле по прочтении каждой страницы все более и более разочаровываешься, а по прочтении всей брошюры не остается надлежащего представления об исполнине, гиганте революционной мысли и действия. Автор много говорит о гигантстве и титанической силе духа М. А. Бакунина, именно говорит, а не показывает, поэтому то впечатление остается слабое.

Брошюра совсем не затрагивает русского периода жизни Бакунина, не говорится совсем о влиянии М. А. на Белинского и окружающую его передовую московскую молодежь.

Историк, тем более биограф, должен знать точно факты и даты, тем более общеизвестные, а потому не может писать так, как пишет А. Карелин на первой странице: „Изучал немецкую философию — Шеллинга, Канта, довольно усердно Фихте и затем едва ли (1837) не главным образом Гегеля“)

Совершенно не говорится о мотивах, побудивших поехать М. А. за границу для изучения философии и об истории этой поездки.

Очень плохо и неполно описан заграничный период жизни Бакунина до момента заключения в тюрьму; недостаточно выяснена роль М. А. в революции 48 года, в Пражском и Дрезденском

восстании, плохо освещено знакомство с Прудоном и вообще парижская жизнь и многое другое.

То же самое можно сказать о всех остальных периодах жизни М. А. Бакунина: тюремном, ссыльном и вторичном заграничном.

Изложение носит бессистемный и хаотический характер. Брошюра оставляет желать много лучшего.

Но при бедности нашего книжного рынка приходится и ее приветствовать, тем более, что она написана анархистом, а не врагом или противником.

С внешней стороны брошюра производит очень хорошее впечатление. Опечаток мало, но есть, и даже грубейшие.

Брошюра имеет и достоинства (богата выдержками из Бакунина). Брошюру следует рекомендовать прочесть всем анархистам, иметь ее в клубах, библиотеках, читальнях и книжных магазинах.

Г. М.

А. Карелин. *Программа Анархистов-Коммунистов (как я ее понимаю)*.

Если кому-либо интересно знать, как понимает программу анархистов-коммунистов «Анархист-коммунист» А. Карелин, то пусть не пожалеет пяти минут на прочтение разбираемой брошюры, тем более, что время не будет потрачено даром, ибо прочитавший будет знать, *как не нужно понимать* программу анархистов-коммунистов.

Брошюрка имеет восемь страниц и разбита на 23 параграфа, в которых излагаются общие места анархизма вроде:

«В анархическом обществе никто не будет жить на чужой счет». (§ 1)

«Анархисты против всякой власти» (§ 2) „Вся земля — народу (§ 3), фабрики, большие магазины (а маленькие?), дома, оружие, все средства образования, все средства лечения, вся власть — всему народу (§§ 4. 5. 6. 7. 8. 9 и 10) и т. д. в таком же духе, причем на каждом шагу повторения.

Это не программа, а упражнение по анархизму самого отсталого члена Всероссийской Федерации Анархической Молодежи, именно так можно было думать, если бы этот детский лепет не был подписан А. Карелиным. Нужно надеяться, хотя уже поздно, что А. Карелин научится понимать, в конце

*) Курсив мой. Г. М.

концов, программу анархистов-коммунистов.

Г. М.

Примерный договор (Устав) Анархистской группы, повидимому одновременно напечатанный с программой, надо думать также принадлежит перу А. Карелина. Устав и программа друга друга стоят.

Г. М.

„Вольная Жизнь“, № 1, Май;
Москва 1919 г.

„Вольная жизнь“ журнал „Всероссийской федерации Анархистов-Коммунистов“, во главе которой стоит „Анархист-Коммунист“ А. Карелин, бывший одно время членом Всерос. Центрального Исполнительного Комитета. Хотя и не указано кто является редактором журнала, но мы не ошибемся, если назовем А. Карелина. Журнал по внешности производит очень хорошее впечатление, цена же отвратительная: 5 р. 50 к.

Появилась лишь только одна книжка № 1 за май месяц. Надо полагать, что журнал прекратил свое существование и повидимому, не из-за материальных затруднений, а за отсутствием литературных сил.

Странная вещь, как будто злой рок преследует «Всерос. фед. Анархистов-Коммунистов». Она ко всем анархистам с открытой душой, а они к ней... спиной.

В журнале могли сотрудничать анархисты всех течений и все таки ни одного „не-карелинца“ мы не видим в нем.

Журнал (в предисловии) говорит о страстном желании федерацией единой работы анархистов и в то же время ни она, ни „единый анархизм“ почему то не подают друг другу руки.

Журнал поставил своей целью энергичную пропаганду, которая должна „рассеять тот туман, который непроглядной тьмой окутал ясное анархическое учение“, выяснение сущности анархизма и пр.

И в то же время занимается писанием статей об общих избитых социалистических вопросах с претензией на научность, как примеру. «Что такое собственность?» и «Против собственности» статьи принадлежащие лидеру федерации А. Карелину, или статьи вроде «Необходимость Коммунизма».

Нечего сказать, энергичная пропаганда анархизма, энергичное рассеивание тумана.

Журнал производит впечатление такого свойства: собралась пара милых друзей и решили поболтать и болтают о всем, только не о жизни. Скучно...

Отсутствие сил, а следовательно, и материала, несмотря на всем известную литературную плодовитость лидера В. Ф. А. К. дает себе знать, чувствуется недостаток материала, и потому милые друзья занялись перепечаткой статей, в такой же степени ненужных, как и сам журнал.

Скажите, кому нужно знать, что говорит Иван Владимирович Богословский про анархистов? Зачем делать перепечатки из книги Лаврова, когда Лавров весь появится на книжном рынке? для энергичной пропаганды?!

Журнал повидимому умер, но смерть его не вызывает даже тени сожаления.

Г. М.

Волин (В. М. Эйхенбаум) „Революция и Анархизм“ (сборник статей)
изд. конфедерации „Набат“ 1919 г.

До сих пор в мире был один страшно занятой человек, которому некогда было писать книги, и он издал нечто „Вместо книги“, в лице нашего уважаемого товарища Волина мы наталкиваемся на второго представителя деловитости и занятости, он тоже выпустил нечто вроде книги — рассматриваемый нами сборник его статей под громким названием, несоответствующим содержанию — «Революция и Анархизм». В сборнике 60 газетных статей, написанных частью (всего пять!) за границей, частью (всего только 55!) в России.

Причин появления сборника две: одна — многие существенные и важные вопросы анархизма и анархического движения остались или вовсе неосвещенными или в малой степени, „независящие обстоятельства“ не дали возможности автору заняться их разработкой, а потому пока что автор ограничивается настоящим сборником; вторая — «желание товарищей, признающих за ними известную ценность».

Автор, между прочим, утешает, что «есть надежда, что ему удастся в недалеком будущем посвятить часть времени этому неотложному делу», но дальше разочаровывает говоря: „Но, как

известно, от надежды до ее осуществления — дистанция приличного размера... Говорю: разочаровывает, потому что имею на это не одно основание.

Большинство статей печаталось в «Голосе Труда», как еженедельном, так и ежедневном, выходившем в Петрограде, и только пять в нью-йоркском «Голосе Труда».

О ценности статей не мне говорить, да пожалуй и не время, одно лишь могу сказать, что подобные сборники могут выходить лишь при условии богатства нашего движения основной литературой по анархизму, это раз, и при условии, обладания большими денежными суммами, два, а так как у нас нет ни того, ни другого, то такая роскошь — преступление перед движением.

В заключение должен указать на «маленькую неточность» исторического характера, допущенную автором по непростительной рассеянности и забывчивости.

На последней странице сборника имеется примечание к статье «Власть — это Гибель»: «Последняя статья в Петроградском „Голосе Труда“, прекратившем чрез несколько дней существование, вследствие ухода моего и других товарищей в партизанский отряд».

Что выше упомянутая статья была последней статьей автора данного сборника — это верно, но что «Голос Труда» чрез несколько дней прекратил свое существование и при том вследствие ухода тов. Волина и других товарищей в партизанский отряд безусловно не верно.

После ухода Волина в Петрограде вышло еще пять номеров, а затем, не вследствие ухода Волина с товарищами в партизанский отряд, а вследствие общей эвакуации города, Союз Анархосиндикалистской пропаганды решил перенести свою деятельность из Питера в Москву, на основании этого постановления газета перешла в Москву и там выходила в гораздо большем формате, чем в Питере в течение двух недель и прекратила свое существование за отсутствием средств — типография отказала в кредите.

Г. М.

Б. И. Горев.—М. А. Бакунин, *Его жизнь, деятельность и учение*.—Всероссийский Совет Рабочей Кооперации. Цена 6 р. Москва 1919 г.

Книжка Г. И. Горева, пожалуй, честная книжка; нет лжи, злопыхательства, извращений. Наблюдается желание быть объективным.

Но его вина, если читая его книгу, кажется, что «серое небо, серые тучи, мгла кругом»; куда делась яркость эпохи, бурная воля великого бунтаря, его тревоги и сомнения? Прилично гладко рассказывает нам Горев о Бакуине, даже об Акакии Акакиевиче, страстно мечтавшем о новой шинели, можно говорить с большей экспрессией. Понимание сущности учения Бакунина? Откуда сие возьмется у Горева? «Не будет ученик выше учителя своего», а в вопросах Бакунина Г. И. Горев считает учителем Стеклова, — честного, усердного но не творческого Стеклова. Беспристрастие? Есть попытки быть приличным, *compte il faut*, но что толку в этом, ежели человек порхает с цитаточки на цитаточку. Пример: Бакунин и национальный вопрос. У Бакунина — да — был свой божок *славяне*. — Ну а Маркс так таки не был ли духом ни слухом повинен в пангерманизме? Концепция Маркса не устанавливает ли некоторой скалы — «богом избранных» народов в зависимости от степени развития производительных сил данной нации? а главное: Б. Горев не упоминает о замечательном принципе Бакунина, дающим ключ к различению зоологического национализма от «человеческого». (См. письма о патр. укажу на свою статью в № 35 Раб. Зн., Бакунин о Государстве и патриотизме). — Еврейский вопрос. Да, есть грех у Бакунина. Ну, а известная статья Маркса о юдаизме, в которой возводится в философию, то что Бакунин считает лишь фактом — а именно, что деньги — субстанция современного юдаизма?

Конечно, „падение“ Маркса—не оправдание для Бакунина, но быть может это „обстоятельство“ заставило б Горева искать более глубоких причин, не оправдывающих—зачем?—но глубже об'ясняющих это явление...

Бакунин и демократия? Ну, об этом в свое время с Ю, Стекловым побеседуем: он и его партия исполнили властно наш „декрет“ о несовместимости Учредилки и классовой борьбы... а Гореву—сам Бог велел не видеть, что класс и демократия — это Каин и Авель и весь вопрос в том, кто кого. Где ему понять дивные, вдохновенные предвидения Бакунина!..

Бакунин гениально *предвидел* роль империалистической Германии, по истине „имел одно виденье непостижное уму“: знал, что отравится Государственностью гер-

манский пролетариат и все-же *верил в немецкого рабочего*. Об этом гр. Горев говорит мимоходом... А мнение Горева о теоретическом наследстве Бакунина? Мимо!... Только одно слово, гражданин Горев. Думать вам нужно побольше. Вы бы убедились возможно, в том что Бакунин во многом *предвосхитил* теорию Бергсона. А читателю скажем вот что: если вас интересует, опыт, проблема, каким сделается великий, мятежный свободолюбец, послуживший Вагнеру прообразом Зигфрида под пером честного кооператора, который тоскует тихо и горестно об Учредилке, цитирует честно и аккуратно; если читателя эта „задача“ интересует, тогда — пусть читает книжку Б. И. Горев.

И. Р.

Иустин Жук.

Какая горькая потеря: вражеской пулей убит наш дорогой Иустин Жук. Рабочий класс потерял одного из лучших сыновей, выбит из строя боец-анархист.

Трагична участь анархического движения: мы разбиты, дезорганизованы... И многие с тревогой и мукой спрашивают. «Когда-же, наконец, придет настоящий день», когда анархическая идея воплотится в организованную идею—силу.

Иустин-Жук был как-бы нормой, воплощением наших упований и надежд.

Среди анархистов мало, увы, очень мало организаторов. И эти немногие организаторы часто делаются односторонними „профессионалами“, грозный шум битв им несколько чужд и они упорно и бесплодно «организуют» тогда, когда нужно обнажить меч против врагов труда.

Но чаще всего явление иного характера: анархист боец, анархист разрушитель делается „спецом“ разрушителя: чужда ему логика созидания, организации. Образуется новый „профессионал“ для которых боевизм—все, созидание—ничто.

Товарищ Иустин-Жук был живым синтезом строителя и воина. О, с какой жаждой, с каким чудным энтузиазмом созидал он новую жизнь

Какое великолепное соединение романтизма—в замыслах и реализма—в деле!

Он же был грозным воином беспощадно карал „спецов“ мирного житья в тот момент, когда враг у ворот Советской Республики.

И еще: без фраз, без гамлетовщины он разрешал и разрешил трудную проблему тактики: Жук работал вместе с партией Социальной Революции—большевиками и с отвращением относился к тем ублюдкам которые на словах—левее большевизма, на деле—невольные пособники злых сил истории.

Единый, цельный в любви и ненависти—образ твой не исчезнет из памяти рабочих, творцов новой жизни.

Вечная память и слава воину-созидателю, Иустину Жуку!

Ко всем товарищам.

Наш № выходит в свет с большим запозданием.

Наступление Юденича, целый ряд явлений технического характера,—причины запоздания. Этими неблагоприятными условиями объясняется, почему в первом № нет отклика на целый ряд важных событий общественной жизни. Отсутствуют статьи, освещающие наше отношение к проклятия достойному покушению в Леонтьевском переулке, наш ответ т. т. большевикам на призыв к идейным анархистам.

Точно также требует освещения, в связи с целым рядом новых фактов отношение заграничных анархо-синдикалистов к организуемой на Западе партии коммунистов, наше отношение к новой фазе махновщины. Во втором номере нашего журнала будет уделено достаточно внимания указанным вопросам.

Редакцией и издательством приняты энергичные меры, дающие нам право надеяться на регулярный выход журнала.

Редакция.

ГОЛОС ТРУДА
№ 1
1921

Книгоиздательство Союза Анархо-Синдикалистов „Голос Труда“.

Вышли из печати:

	Цена.
М. Бакунин. — Избранные сочинения, том I: Государственность и Анархия, с биографическим очерком В. Черкезова	30 р. — к.
М. Бакунин. — Избранные Сочинения, том II: Клуто-Германская Империя и Социальная Революция.	60 р. — к.
Его-же. — Бог и Государство	1 р. 25 к.
П. Кропоткин. — Новый Интернационал	— р. 10 к.
Его-же. — Политические права	— р. 10 к.
Его-же. — К молодому поколению	1 р. — к.
Его-же. — Анархия	4 р. 50 к.
Его-же. — Коммунизм и Анархия	2 р. — к.
Его-же. — К чему и как предлагать труд ручной и умственный.	5 р. — к.
П. Кропоткин. — Хлеб и Воля (издание пересмотренное автором с новым предисловием).	55 р. — к.
Ж. Грав. — Будущее Общество	15 р. — к.
Ж. Ивто. — Азбука Синдикализма	— р. 50 к.
Э. Малатеста. — Избранные сочинения	10 р. — к.
Его-же. — Краткая Система Анархизма	5 р. — к.
Его-же. — Крестьянские речи	3 р. — к.
Его-же. — Анархизм	3 р. 25 к.
С. Фор. — Преступления Бога	— р. 50 к.
Ф. Поллутье. — История Бирж Труда.	42 р. — к.
Производственный Синдикализм (Индустриализм) — Сборник Статей.	15 р. — к.

Выходят в ближайшие дни:

Э. Реклю. — Избранные Сочинения.

Готовятся к печати:

- М. Бакунин. — Избранные Сочинения: Том III: Федерализм, Социализм и Антиатеологизм; Славянский вопрос; и др. — Том IV: Политика Интернационала; Организация Интернационала; Письма о патриотизме; Письма французам; Парижская Коммуна; и др. — Том V: «Альянс» и Интернационал; Интернационал и Мадзини.
- В. Черкезов. — Предтечи Интернационала, Доктрины Марксизма; и др.
- П. Кропоткин. — Современная Наука и Анархия (под редакцией автора).
- Его-же. — Речи мятежника (новый перевод, под редакцией автора).

Адрес:

Петроград
просп. Володарского, 56
тел.: 4-88-99.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.И.П. (Ф.) Москва
Гверская ул., 70
тел.: 2-67-86.

Редактор: Редакционная Коллегия.
Издатель: Союз Анархо-Синдикалистов
„Голос Труда“.